

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вадим КРАБОВ

РУС.
ЗАЩИТНИК И ОСВОБОДИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Рус

Вадим Крабов

Рус. Защитник и освободитель

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Крабов В.

Рус. Защитник и освободитель / В. Крабов — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Рус)

«Ссора Богов» перекроила весь мир. Большинство государств ойкумены содрогнулось от многочисленных восстаний и бегства рабов в пятна – опаснейшие места, оставшиеся без хозяев. А значит, богатства пятен – «осколков» чужого мира – стали доступными! И никто не догадывался, что виновником «ссоры» был человек по имени Рус – пришелец из другого мира, мира без божественных Сил... Он побывал в обличье бога, и этого хватило: полная потеря человечности во всех смыслах этого слова его не устраивала. А такая опасность стала очень даже реальной: стоит сделать один неверный шаг, и растворишься в «тупом бесцельном могуществе»... Оно ему надо?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вадим Крабов

Рус. Защитник и освободитель

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Всеведущи ли боги? Наличие многих подобных сущностей заставляет нас сомневаться в этом. Каждый из них несет свое бремя и знает только то, что положено ему в своей сфере. Я готов поспорить об этом с философами твоей школы, так как доводы коллег, лишь по недоразумению называющих себя моими единомышленниками, я давно изучил и в частых дискурсах не оставил от их рассуждений камня на камне...

Отрывок из письма неизвестного философа

Пролог

Более трех лет назад в молодой мирок, созданный богиней Геей, попал необычный человек. Во-первых, он прибыл из забытого всеми богами мира, где не было ни капли Божественной Силы, – немыслимо! Во-вторых, его воля – душевное качество, которое местные маги определяли как «способность к управлению Силой», – оказалась очень сильной, практически божественной. Дошло до того, что один могучий бог – Френом – со смехом назвал этого странного гостя «сынком». С него станется, бог был еще тем шутником. Приходил в мир Геи когда вздыхает, взял «под свое крыло» целый народ – этрусков и сделал их великолепными воинами.

Хитрые эльфы-сектанты, убегая от охватившей их родину тотальной войны, очутились в том мире «по ошибке». В местных землях они чувствовали себя крайне стесненно: «вектор Силы» для них был не тот. Жили исключительно в пятнах – осколках их старого мира, Вала. Разумеется, такое положение их не устраивало, и они решили найти себе новое пристанище, более уютное. Темные и светлые эльфы, или, по-местному, каганы и альганы, считающие себя Перворожденными, разглядели необычную волю пришельца. Его уговорили принять участие в ритуале, где собирались использовать Руса (местное имя землянина Владимира Нодаша) в качестве донора – в прямом смысле этого слова. Намеревались выкачать всю кровь, до капли, использовать ее в качестве независимой от богов Силы и перенестись в новый мир. Как это могло повлиять на Гею, на жизнь местных людишек, их попросту не интересовало – а повлияло бы. Этот исход грозил оставить после себя полностью разрушенный мир, погибли бы миллионы людей. И тогда произошла «Ссора Богов», как называли это событие местные жители. Рус не дал себя убить. Более того, он сумел «сыграть роль бога», что при его воле неудивительно.

В итоге магическая структура мира изменилась: пропали эльфы, в неведомых глубинах реальности сгинул Эребус – бог Межзвездного Мрака, сменила свою сущность и резко ослабла Лоос – богиня «плодородия и деторождения». Если Эребуса одолел Френом, то с Перворожденными и с Лоос «разобрался» лично Рус в образе безымянного бога. Его можно понять. Именно богиня «плодородия» выдернула Владимира с Земли, и в ордене Родящих он угодил в рабство душевное, с полным подчинением самой воли, с постоянным ни с чем не сравнимым страданием. Давно он лелеял месть и отомстил. Кстати, именно во время той самой «Ссоры» Френом, увидев оригинального псевдобога, и обозвал Руса «сынком». А достичь «псевдобожественности», несмотря на всю свою волю, Рус смог только благодаря чисто человеческому чувству – любви. Так что без нее, похоже, во всех людских мирах жизнь невозможна...

Глава 1

Со дня свадьбы Руса и Гелинии прошло полгода. Жители Эолгула, недолго посудачив об «освящении брака лично самой Геей», вскоре вновь погрязли в вечной торгово-ремесленной суете, забыв о необычном, но их не касающемся явлении.

«Выдал князь младшенькую – хвала богам и предкам! Живут себе в загородной вилле, никого не трогают – хвала им же. «Закатный ветерок» называется место. Большой дом с садом и каменная ограда, вроде как структурами укрепленная. Загадочное место и богатое... А муж-то, оказывается, этрусским царем был. Что там случилось – одним богам ведомо, но князь зятя привечает... А Гелингин? Слышали? Продолжает с мужем в орден Хранящих ездить! Совсем стыд потеряла. А муж куда смотрит? Ну и порядки в той Этрусии!..» – в среде скучающих беззаботных матрон подобные разговоры все еще можно было услышать. Когда другие темы исчерпывались.

Спокойствия Гелинии хватило на месяц. Привыкла к новым ощущениям, втянулась в семейную жизнь, и свободное отцовское воспитание дало о себе знать. Первым делом выгнала Сирилгин. Сама не ожидала от себя такой ревности, но, как только узнала о бывшей «постельной служанке», взъярилась. Все понимала, простила, но как жить, зная, что «соперница за стенкой»?

Здесь она, надо сказать, немного преувеличила. Служащие жили в отдаленной части большого квадратного дома с внутренним двориком и бассейном, с хозяйкой пересекались редко, а сама Сирилгин так и вовсе не попадалась ей на глаза. Тем не менее Гелиния вызвала домоправительницу Асмальгин и приказала немедленно выгнать мерзавку Сирилгин.

Пожилая тиренка, услышав гневный приказ Гелинии, рухнула на колени. Во взоре – чистая преданность.

– Госпожа Гелингин, княжна! – Знала, что не любит хозяйка, когда ее называют на тирский манер и тем более величают княжной, однако сказала это намеренно, дабы отвлечь часть гнева на себя, ибо характер пожилой женщины был строг, но справедлив.

Сирилгин, по мнению «правильной» домоправительницы, далеко не подарок и вполне заслуживает презрения, но никак не нищеты или рабства, куда легко могла загнать за долги ее бедного семейства.

Слово за слово, и юная жена, смягчившись, разрешает выдать изгоняемой служанке двухмесячное денежное содержание и, более того, позволяет объявить от своего имени «попечение о невесте», то есть назначила за ней хорошее приданое. От женихов теперь отбоя не будет.

«Вот так, красавица, – гордо думала опытная Асмальгин, – а ты, глупая, с мужем споришь. Упав на колени, согласишься, ублажишь, и все по-твоему будет. С возрастом поймешь...» Вдовствующая тиренка, прожив со своим благоверным (самодуром – не чета Русу) почти сорок лет, прошла хорошую школу и всегда вертела мужем, как хотела.

Три года назад супруг ушел в «мир Предков». Поначалу, как и положено верной вдове, рвала себе сердце. Но после, получив службу в «Закатном ветерке», прекратила молить суровых Духов «скорее забрать ее для встречи с мужем». Этого настроя, неподобающего для истинной дочери Тира, стыдилась. Управление большим хозяйством окрылило ее, вдохнуло новые силы. Она приняла «Закатный ветерок» как собственный дом и распоряжалась в нем точно так же – в лучших тирских традициях. Чувствовала себя полноценной хозяйкой, правда, за одним исключением – Грации. Ее, в то время по сути содержанку, почему-то боялась как огня. Хвала богам, сейчас она замужем и живет в городе. Зато появилось новое расстройство – Гелиния, которая, вдобавок к своему «неправильному» семейному поведению, продолжала обучение у Хранящих.

«Не дело замужней женщине равняться с мужем в мужских делах его! Не по заветам Предков это. Ох, молодежь, ох уж эти современные нравы!» – возмущалась, но, разумеется, виду не подавала. По неписаным тирским законам «семейный кодекс» един для всех: хоть для вождей, хоть для рабов.

Собственно, против «несправедливых законов Предков», где женщине отводилась второстепенная роль, и бунтовала в свое время Гелингин, младшая дочь вождя сарматов, а ныне жена Руса Четвертого из рода Нодаш. Вышла замуж и все равно не успокоилась. И муж (где это видано?!) поддерживал ее прихоти!

Полное имя молодой хозяйки стало короче прежнего. Вместо Гелингин из рода Шахнидов, дочь Пиренгула из племени сарматов – Гелиния Нодаш из рода Шахнидов. Поскольку она вышла замуж не за действующего царя Этрусии, а за уже сложившего с себя царский венец, то ей никакого номера не полагалось. Даже в «Божественное Завещание» – главную этрусскую религиозно-историческую книгу – она не попала. В отличие от мужа, который довольствовался записью: «...сие царствование длилось не дольше [высыпания] двух статеров [песка] по часам Главного Фрегорского храма...» Зато в «Своде Княжеских и Майорских родов Великой Этрусии» ее имя как жены Руса Четвертого появилось на самом почетном месте. Бывшие цари крайне редко оставались в живых, поэтому сразу заносились в «князья царского рода», на самую верхнюю строку того самого «Свода».

«Странный он, господин Рус, ой какой странный... – Подобные мысли в разных вариациях приходили в голову Асмальгин очень часто. – Говорят, царем какой-то Этрусии был. С него станется, он может... Тогда порядки у них там – жуть!...» При этом внутренне содрогалась.

Кроме семейных отношений хозяев, домоправительницу сильно волновало повышенное внимание к их вилле со стороны князя родного Тира. Если постоянная открытая и скрытая охрана вокруг «Закатного ветерка» только радовала (еще бы, все-таки княжеская дочь здесь жила), то частые приезды большого количества непонятного вооруженного народа – пугали. Во время этих визитов всех слуг, в том числе и саму управляющую, запирали в подвале. Наблюдательный Серенгул, слуга-привратник, как-то заметил, что следы от крытых повозок при въезде на виллу вдавливались в землю гораздо сильнее, чем при выезде. Словно приходили груженными, а обратно шли пустыми. Странно это. Ну да ладно, господин Рус – маг из магов; ему что самому исчезнуть, что спрятать княжеское добро в неведомой дали – раз плюнуть. А вот зачем это нужно князю – лучше даже не думать. Всех служащих заставили поклясться богами и Памятью Предков в том, что ни одно слово о происходящем на вилле не уйдет за ее единственные ворота, а страшный коронпор Максад (Главный Следящий за безопасностью княжества) принудил расписаться или приложить палец к не менее страшному, чем он сам, пергаменту «о неразглашении государственной тайны». Боги и Предки, возможно, и могут простить, но от Максада не скроешься – это точно!

И конечно, умная Асмальгин не могла не связать носившиеся по всему Тиру слухи о скорой «войне за пятно» с «пропажей грузов» на вилле. Связала, но язык не распускала. На рынках и улицах и без нее хватало «знающих людей» и «очевидцев», рассказывающих «из первых уст».

– ...каганы, как есть, пропали! Все до одного, пусть не примут меня Предки, если я вру!

– ...твари успокоились, как обычные звери стали, ага... Да я сам ходил! Охота там – загляденье!.. Так его есть нельзя, отравишься! Мясо ему покажи...

– ...ордена и эндогорцы валом туда валят, верь мне. Мой сын писал...

– ...ой, что будет, уважаемая(ый)! Рабы в пятно бегут, а наш князь, пусть его лета будут долгими, запретил их оттуда возвращать! А как их до этого проклятого пятна поймаешь? Метки, дарки их разорви, пропали! Один убыток, одни расходы! А знаете, сколько «степные волки» берут за поимку рабов? – В этом случае голос обычно переходил на шепот, и говоривший боязливо озирался. – Лучше вообще о них забыть! Ни на одном рынке, даже в богатой

Месхитии, рабы столько не стоят. А надо сказать, их цена резко подскочила; отовсюду бегут, не только от нас. Они считают: там рай! Да мрут они там, а все равно лезут в пятна как зачарованные. Да, уважаемая(ый), вполне возможно, вполне... я слышал, – голос торговца либо состоятельного покупателя снова понижался, – это проклятие лоосок. Перед тем как сгинуть самим, наслали его на рабов. Они же рабами больше всех торговали. Как не знал(а)? Общеизвестный факт, я тебе говорю! Теперь приходится терпеть убытки. Борков пасти (овец, хлеб сеять, строить, месить глину и так далее) некому! Куда смотрят боги и Предки! – Жалостливо возводились руки к небу, скорбно опускались, и рассказчик резко переходил к собственно торговле. – Никак не могу цену скинуть (больше заплатить), ты уж извини...

И цены медленно ползли вверх, что крайне возмущало хозяйственную Асмальгин. Мысленно она корила безумцев: «Дурачье! Плохо жилось? Да, продать могли, наказывали, заставляли работать – а как вы хотели? Предки завещали такой порядок! А вы – бежать. Ну, сгинете в том пятне – и что? Лучше? Вот и продукты из-за вас дорожают!» Возмущалась совершенно искренне, хотя сама из кожи вон лезла, чтобы спасти от рабской участи мерзавку Сирилгин, причем только от возможной, но далеко не обязательной участи.

Неоднозначной женщиной была эта домоправительница «Закатного ветерка». Не сказать, чтобы добрая, но и не злая, воспитанная строго в соответствии с вековыми тирскими традициями, за них и держалась.

Тирский князь Пиренгул не слушал базарные сплетни, он точно знал, что война грядет неминуемо. Полгода только о ней и думал, готовился, как мог. Первые месяцы тайно, а последние два почти открыто. Не только потому, что тайну уже не сохранишь, но и потому, что того требовали планы, в которые в полной мере не посвящал даже сыновей.

Наконец время пришло, и Пиренгул собрал сынов в своем кабинете. Пожив во дворце, обвыкся, и относительно небольшая комната перестала напоминать шатер кочевника, а превратилась в обычное рабочее место геянского чиновника где-нибудь в центральных землях ойкумены. «Совещательный» стол, рабочий стол, кресло, стулья, стеллажи со свитками и редкими толстыми тяжелыми пергаментными книгами, у которых одно удобство – быстрый поиск нужных сведений. В углу стояло неперемнное бюро с секретными замками, кое-где оббитое железными пластинами с нанесенными Знаками – главное хранилище княжеских секретов.

– Обстановка вокруг княжества понятна, сыновья? – Риторическим вопросом Пиренгул закончил длинный монолог. Если кто скажет «нет», заработает от отца «крайнее неудовольствие».

В кабинете находились все три сына и сам князь. На полу, на потолке, на стенах, в окне и в дверях светились «глушащие» Знаки, от переизбытка Силы различимые даже не-магами. Строжайшая секретность.

Выслушав молчание, Пиренгул перешел к конкретным задачам:

– Рахмангул. Ты мой старший и неплохо показал себя как полководец.

Сын, тщательно скрывая довольство, важно кивнул. «Неплохо» из уст скупого на похвалы отца означало «отлично».

– На тебе главное – порты. Тайное укрепление давно идет, руководит им твой троюродный дядя Рахман. Примешь командование. Разберись на месте, что надо поправить, распредели силы и запомни: больше войск не дам, даже не проси. Неоткуда взять, увы. – Суровый Пиренгул не выразил сожаления – и не только тоном, но даже руки не развел. И старший сын промолчал, не задал закономерный вопрос: «А куда это ты, папа, подевал пять сотен лучших воинов с магами и шаманами?» Знал, что ответа не дождется, и понимал: отец никогда ничего не делает просто так. – Собирай кочевых воинов, прижми «степных волков» – они за золото родную мать продадут. Максид подскажет, как их найти. Людей собирай тайно! Это ты понимаешь, но напоминаю не зря: первая встреча должна быть самой радушной, у капитанов не

должно остаться ни капли сомнений в наших добрых намерениях. Смотри не подведи! Я уже три месяца уверяю месхитинцев, галатинцев, гроппонтцев в нашем миролюбии!

Вместо Рахмангула, осторожно кашлянув, ответил Танагул, младший сын, который в Великом походе ничем, кроме личной доблести, не отметился:

– Отец! Почему бы не пропустить этих жадных тварей? Им пятно нужно, а мы им нужны, как прошлогодний навоз! А затем, – лицо Танагула, восхищенного собственной хитростью, выразило крайнее довольство, – ударим им в спину! Из пятна они войска не отзовут. Правда? – спросил, с горделивой надеждой оглядывая братьев.

– Ты не понял?! – Пиренгул мгновенно вспыхнул, но сразу же потух, с грустью вспомнив о невысоких умственных способностях младшего. – Для заморских стран наше княжество – самый удобный проход к пятну. На западе – пустыня, на востоке – сильная Эндогория с неудобными проходами через перевалы. Эндогорцам, несмотря на договор, не до нас. Они нас заранее бросили, втайне отдали нашу территорию центральным странам под базы. Освоение пятна намечается стать очень долгим процессом. Да что я объясняю! Они бы сами с удовольствием прошлись по нам, но масштабы пятна такие, что им просто не хватает на нас силенок! Пришлось им за нашей спиной договориться с «заморскими» и предоставить им проход через союзный Тир...

– Вот чем проверяются союзники, – тихо проворчал Мамлюк, средний и, пожалуй, самый умный сын, – богатыми пятнами...

– И не только ими, сын, – согласился с ним князь, – но сейчас не об этом. Сведения точные, Максаду можно верить. У него давно щупальца при многих дворах. Раскинул, когда мы еще кочевали. Жаль, вести запаздывают. – Здесь Пиренгул, нахмурившись, недовольно вздохнул. – Ордена разбираются, у Пронзающих вроде появились подвижки в амулетах... Не об этом речь, сыны! Танагул, запомни: что бы нам ни обещали сильные страны, как ни клялись, но стоит только пустить волка в отару... Надеюсь, понимаешь? Нет разницы, как мы их встретим, конец один: Тиру как самостоятельному государству – не быть! Крепко они здесь обоснуются, не как эндогорцы, которым, по большому счету, дела до нашей земли не было. Теперь она нужна как безопасный перевалочный пункт перед пятном, как кормовая база нужна. Поэтому, сыновья, сколько бы меду ни лили в наши уши, они не оставят за спиной независимое княжество. Да они и «первой волной» спокойно пройти не смогут, даже если захотят! – Князь от возмущения повысил голос. – Ни за что эти чванливые царьки не оставят в тылу неподконтрольное им войско варваров! – В глазах Пиренгула полыхнуло пламя, кулак с размахом опустился на крепкую столешницу, и взор погас. Пылающий успокоился. Хвала богам, ничего не подпалил.

Рахмангул, сжав скулы, нахмурился; Танагул, скривившись, отвернулся, с трудом скрывая несогласие, а вот Мамлюк смело спросил:

– Может, нам сразу откочевать в пятно? Народу не привыкать.

Князь от удивления открыл рот:

– Мамлюк, тебя ли я слышу?

Сын ответил, не отводя спокойного рассудительного взора:

– Зачем лишние жертвы? А пятно, ты сам говорил, большое – места всем хватит. Отобьем «первую волну», положим лучших наших сынов, а дальше? Царства не успокоятся, пойдут еще и еще. Людей и денег у них хватит. Или я неправ? А нам, всем народом, с полнокровной армией в пятне придется гораздо легче, чем одним женщинам и детям, где они тогда точно достанутся чужеземцам. В чем я неправ, отец? – Мамлюк вдруг резко повернулся от отца к братьям: – А может, вы скажете, что я трусил? – Спросил с холодным остервенением, в котором ясно слышалась боль. Не за себя, за весь многострадальный тирский народ.

Рахмангул качнул головой, то ли соглашаясь, то ли, напротив, возражая, и нахмурился еще сильнее. Танагул презрительно посмотрел в потолок, словно выискивая на нем надпись

«трус». Пиренгул закрыл рот и внимательно всмотрелся в среднего сына, открывая его еще с одной стороны.

«Нет, сынок, до полноценного князя ты пока не дотягиваешь, но я рад за твои здравые мысли, только...» А с этого места заговорил вслух.

– Пятно не такое уж и большое, всего сто миль в поперечнике, – первым делом уточнил он. – Мамлюк, ты давно доказал свою храбрость, и в твоих словах об уходе есть резон... – Сказал ободряющим тоном, но, чуть подумав, продолжил сурово: – А наша родная земля, земля наших предков для тебя ничего уже не значит?

– Мы – кочевники, отец, – твердо ответил сын. – Главное – сохранить народ, а после можно вернуться, отвоевать заново...

– ...если захочется, – закончил за него князь. – А вдруг там не жизнь, а мед? Захочет народ возвращаться? И уверен ли ты, что на новых землях мы сохраним свою власть, что роды не разбегутся?

– Ты так дорожишь этой властью? – смело спросил распалившийся Мамлюк.

– Дорожу! – Пиренгул выдохнул, как припечатал. – Не для того мы, сарматы, проливали кровь, чтобы так легко разбрасываться княжескими венцами! Вспомни историю, сын! Как легко нас завоевывали эндогорцы! А почему? Мы были врозь. Роды и племена всегда враждовали, ослабляли друг друга.

Сейчас отцу внимал не только виновник родительской суровости, из которой, кстати, неизвестно что могло последовать, но и братья.

– Кто знает, что будет в пятне? Не растащат ли вожди наш народ? Некоторые уже снимаются с постоянных кочевий и уходят в каганские земли. Не замечал, Мамлюк? – В ответ услышал лишь смущенное молчание всех сыновей. – А про треть оседлого народа, тоже тиренцев, забыл? Конечно, в крайнем случае, и они вспомнят свои корни, уйдут, но пока надо сражаться и за них в том числе!

Князь выдержал длинную тягостную паузу, как бы предоставив сыновьям время на обдумывание его мудрых слов.

– Мы будем драться за свою землю, всем народом встанем, пока это еще возможно! А придется уходить, – в его властный голос вплелись нотки глубочайшего сожаления, – то уйдем обескровленным, но единым племенем. Ты меня понял, Мамлюк? Единым! Это гораздо сильнее полнокровной армии, которая скоро, поверь мне, в поисках удачи разбежится по родам, к своим родичам...

Средний сын не был бы самим собой, если бы не нашел, что возразить. Правда, не так уверенно, как начинал этот спор:

– Если в пятне большие опасности, а без них никак, то не разбегутся.

Князь нагнулся к сыну и, глядя в упор, глаза в глаза, произнес с нажимом:

– Уверен? Пастбищ там вдоволь... каганов точно нет, твари присмирели... людей пока мало... так-то, сын, нам придется сражаться здесь, в Тире. Не только за нашу власть, но и за весь пока еще единый народ.

Пиренгул увидел в глазах Мамлюка согласие и, несмотря на упрямое выражение его лица, словно кричащего: «Нет, я тоже кое в чем прав! Но как верный сын подчиняюсь...» – довольно откинулся на спинку кресла.

– А там еще и богатства, – неожиданно вставил осмелевший Танагул. – Золото, каганит¹. Без нас заберут, отец.

Князь открыто усмехнулся:

¹ **Каганит** – уникальный минерал, порошок из которого использовался во многих эликсирах, амулетах и Знаках. Знаки – мини-структуры, наносимые посредством специальных эликсиров и воздействия мага в основном на оружие или доспехи с целью улучшения их свойств. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Не заберут, сын, не переживай. Я знаю главные жилы, и все, вопрос закрыт!

Все, что касалось обширных знаний Пиренгула об Эндогорском пятне, – табу. Сыновья понимали, что это связано со странной возней отца с новым зятем, Русом. В его вилле под прикрытием строгой секретности исчезли пять сотен воинов с магами, сотни талантов неизвестного груза. Ясно, что все ушло в пятно, но куда именно – тайна за печатями Предков. Как и сам Рус, отрекшийся этрусский царь, маг-Хранящий – тайна. Наследники князя знали только о его работающей Звездной тропе, которую более не мог создавать ни один маг. Ведали и о благоволении к нему Духов Великих Шаманов, о которых вспоминали исключительно с содроганием. Может, этот Рус и есть последняя надежда их отца? Неизвестно. В присутствии родителя речи о нем не заводились – запрет, родившийся после посещения плато Шаманов сам собой.

А Гелингин как раньше обижалась на братьев (подумаешь, склонная к Силе оказалась!), так и продолжала дуться до сих пор. Подойдешь – лишнего не скажет. Всегда умела молчать, гордячка. Когда муж ее воспитает?

– Кажется, дети, мы и внутреннюю политику невзначай обсудили? – пошутил князь, закрывая неожиданный спор. Никто даже не улыбнулся, но атмосфера заседания, до этого сгустившаяся, все же посвежела. – Теперь задание тебе, Танагул. Пошуми-ка ты на границе с Эндогорией, порежь, сколько сможешь, наших отщепенцев-асманитов². Это ты любишь и справишься. – Младший сын расцвел, услышав эти слова. – Но не зарывайся! Знаю я тебя. Не приведи Могучий³, сцепишься с эндогорцами, и тогда все наши планы полетят к даркам на закуску! Понял?! – И так грозно глянул на сына, что тот хоть и был недалек умом, но осознал – правильное выполнение задания стоит выше его высокого звания «княжеского сына» – отец не пожалеет.

Танагул сглотнул ком, невесть откуда взявшийся в горле, и хрипло выдавил:

– Я не подведу, отец!

– Смотри, задание ответственное, – «смягчился» князь. – Нам не нужны удары в спину от бывших сородичей. Теперь и до тебя добрались, Мамлюк. На тебе поездки по дальним кочевьям, особенно ближе к границе пятна. Отвадь их от преждевременного бегства, но проследи за сборами к дальней дороге. С этого дня на тебе лежат припасы для выхода в новые земли. Исходи из численности всех тиренцев, запас лишним не бывает. Действуй от моего имени. Не стесняйся, но и на силу не нажимай... ну, этому тебя учить не надо.

Мамлюк важно кивнул. Во время Великого похода он показал себя хорошим управленцем.

– А мне, сыны, остается самое важное. – Все замерли, ожидая чуть ли не Откровения. – Сидеть в Эолгуле и изворачиваться перед послами.

Дети разочаровано выдохнули. Не открылся отец. А ведь точно, на что-то надеется, иначе не излучал бы *такую* уверенность в очень сомнительной победе. Хотя... Пиренгул, маг-Пылающий, всегда был хитрым, умным и дальновидным политиком. Не зря завоевал княжеский венец малой кровью.

Он имел только одну слабость – безмерную любовь к младшей дочери, Гелингин. Души в ней не чаял и всю жизнь потакал ее нелепому стремлению вырваться из оков традиционного представления тиренцев о месте женщины. Впрочем, и без отцовских поблажек, имея склонность к Силе, она могла позволить себе многое. Но только до замужества! Дальнейшая «общественная деятельность» вверялась воле супруга. Конечно, с учетом положения семей той и другой стороны. Например, выйди она, княжна, за какого-нибудь мелкого вождя, то вряд ли бы

² **Асманиты** – сторонники свергнутого тирского князя Асмана Второго.

³ **Могучий** – титул Пирения, бога Огня. (Почитатели наградили. Самому повелителю пламенной стихии это звание было до лампочки.)

он посмел запретить ей, допустим, продолжить учебу у Хранящих, а формально имел право. Много нюансов в тирских обычаях, как, пожалуй, и в обычаях любых народов.

Но Гелингин волею Геи вышла замуж не за понятного тиренца, а за загадочного Руса. Пиренгул одновременно и радовался, и страшно переживал за дочь. О том, что творится у них в семье, старался не думать – так легче спалось. Но в одном он был абсолютно уверен – Рус костями ляжет, а жену спасет, оградит от опасностей. Только вот сам он больно беспокойный и волей-неволей тянет за собой его доченьку. Будет ли она счастливой? Пока при встречах сияет. Надолго ли? Любящее отцовское сердце беспокоилось.

Семейная жизнь – не сахар. Рус понимал это еще на Земле и теперь, спустя полгода после женитьбы, убедился окончательно. Гелиния оказалась далеко не тихой домохозяйкой. Ее своеобразие часто сталкивалась с его непреклонностью, создавая бурный эмоциональный коктейль с размолвками и примирениями. Тридцатидвухлетний Рус представлял свою семейную жизнь более спокойной, мечтал о жене более покладистой и, если честно, все-таки постарше девятнадцатилетней, простите, боги, своенравной соплячки. Хотя примирения вкупе с горячим сексом его очень даже устраивали...

Реальная жизнь не соответствовала ожиданиям и юной Гелинии. Она мечтала, что муж будет носить ее на руках. Не буквально, конечно, не маленькая девочка – понимала; но в любви-то он должен был признаваться! Это так приятно слушать. А он, бергат бесчувственный, лишь время от времени, и то под давлением! Разве это дело?

Но вопреки, а может и, наоборот, благодаря, своей разности они были счастливы.

Рус пахал как борк в страду. Горячо поспорив с Отигом, перешел практически на отпускное положение. Самостоятельно выбрал занятия алхимией, астрологией, не прекращал индивидуальны уроки у магистра и пропадал в библиотеке. Это только «ученические» дела. Еще он помогал Пиренгулу заниматься Кальварионом – каганским городом в ближайшем пятне и Этрусию не бросал. Можно сказать – разрывался.

Разрывался, но и о «профессиональном росте» жены не забывал и первым делом, после того как разобрался в новых магических реалиях, научил ее строить структуру обтекателя и обеспечил соответствующим амулетом.

До «Ссоры Богов», во время которой богиня Лоос вернула себе свою истинную сущность, а Эребус сгинул в неизвестных пластах бытия-небытия (не без помощи Руса, но об этом молчок!), амулеты-обтекатели прекрасно работали, защищая человека от магических атак средней мощности. Теперь перестали. Дело не в перераспределении Божественных Сил, причина крылась в привязке артефакта к астральному телу владельца. Так называемый общий астрал, откуда и осуществлялся доступ к астральным телам, до сих пор оставался закрытым. И не только для магов, но и для русовского Духа слияния с астралом.

Личные амулеты больше не привязывались, магические метки на людей не ставились и соответственно следить за ними, да и вообще за астральными следами, оставляемыми всеми живыми существами, не представлялось возможным. Отличное средство наблюдения пропало, и координаты для Звездных троп больше не снимались.

Да и кому они теперь нужны? Звездные пути проходили через царство Эребуса – Звездную тьму и, стало быть, создаваться перестали. Разве что Рус досадовал, да и то не сильно – координат он помнил достаточно. Грех было жаловаться: «зыбучая яма» работала прекрасно, и хвала богам! Вот отсутствие связи, то да – раздражало сильно.

Силы Эребуса и Лоос никакого участия в общем астрале не принимали, поэтому магические терялись в догадках о причинах странного феномена недоступности общего астрала, тем более в личные астральные трансы маги по-прежнему легко входили. Магистры искали обходные пути и, похоже, кое-что нащупывали.

И никто не подозревал о подспудном горячем желании Руса, когда он находился в «божественном» обличии, избавить лоосских рабов от страданий, освободить ошейных невольников, лишить магических меток их простых товарищей по несчастью и отрезать слезку за беглецами из астрала. Да он и сам не задумывался над связью своих стремлений с нынешним положением дел, потому как не осознавал и находился тогда в, мягко говоря, не совсем нормальном состоянии.

Обтекатель Рус доработал. Было у структуры досадное побочное действие, прямо вытекающее из самой ее сути. Она отсекала Силу без разбора, то есть не только разрушала внешние структуры, защищая своего создателя или владельца амулета от чужих магических атак, но и закрывала доступ к «родному» потоку Божественной Силы. Маг, используя эту защиту, на какое-то время становился не-магом. Поэтому в боевых условиях амулеты обтекателя использовали исключительно несклонные к Силе: Ермил, Саргил, Архип, Леон, который в Этруссии все-таки обрел склонность к Силе, Грация, которая спасла Андрея. После Великого похода артефакты появились и в учебном подразделении тирских воинов-спецназовцев, куда перешли бывшие лоосские разведчики.

От добра добра не ищут, поэтому в первую очередь Рус занялся не изменением структуры, а поиском новых способов привязки хорошо зарекомендовавшего себя амулета. Пришлось перерыть всю небогатую библиотеку Эолгульского филиала ордена Хранящих и просить Андрея сделать то же самое в более богатом книгохранилище Текущих. «Досумрачных» книг нашлось очень мало, а в современных описывалось только астральное тело, и система взаимодействия «человек – амулет» выводилась исключительно через него. Да какая, к даркам, система! Отрывочные сведения со ссылками на других авторов или с наиболее популярным пояснением: «такова воля богов». Но упорства Русу было не занимать, и через четыре месяца (к сожалению, у него хватало дел и без походов в библиотеку, и голова в основном забивалась совсем не проблемами привязки амулетов) он нашел-таки зацепку.

Каждое живое существо окружала аура – своеобразное свечение жизненных сил. Скорей всего она и виделась из астрала в качестве астрального тела, но там, в астрале, с ним можно было работать, поскольку прекрасно различались нити, из которых, собственно, и состояло тело, и они в той или иной мере откликались на воздействие структур из различных Сил. Аура без астрала оказалась ужасно инертной и практически не взаимодействовала с Божественными Силами.

Рус зацепился за это практически, а также – за заметку из полуразрушенного «досумрачного» свитка: «...ауры людей разнятся. Невозможно найти двух одинаковых: пусть даже братья родятся близнецами, свет их жизненных сил не спутаешь. Стоит поместить в, казалось бы, одинаковые ауры сырые структуры зацикленного потока, как мы убедимся, что кольца сами по себе изменятся и примут устойчивый узор, явно отличный друг от друга, и этот узор не изменится в течение всей жизни. Но, для того чтобы аура и структура стали взаимодействовать, необходимо важное условие, говорящее нам о силе Души человеческой, это...» Далее старый пергаментный свиток, явно дневник старинного ученого, безнадежно испортили мыши. Так и напрашивалась фраза попугая Кеши из популярного мультфильма: «...ну вот, на самом интересном месте!» Рус и воскликнул в сердцах:

– Ну и хранение у них! А еще Хранящими себя зовут! Тьфу, поубивал бы!

А чего он хотел? Не «золотой фонд». Сотни лет эти не укрепленные Знаками книги возили туда-сюда, пока не определили в захолустный Эолгульский филиал.

Рус приступил к экспериментам. Кольцо Силы создавалось элементарно, не менее легко вносилось в ауру и... ничего не происходило! Не менялось, не создавало тот пресловутый «узор», описанный неизвестным Хранящим. Мыши съели самое главное...

Рус по привычке распалялся, желал, чтобы простенькое колечко из одной желтой нити силы Земли изменилось, – бесполезно. Это при его-то Воле! Исследования застопорились. Помог, как это уже не раз бывало, Андрей. Он влетел в кабинет к другу как раз во время занятий с кольцом и аурой:

– Знаешь, Чик, почему до Сумрака рабов не метили?

– Ну? – недовольно откликнулся Рус. Не до Андрея сейчас, сбивает с остервенелого настроения, который не раз помогал достигать хороших вершин в области магии. Да и не только в ней.

Друг – Текущий, который, кстати, тоже не нашел в библиотеке своего ордена конкретных сведений о «досумрачной» привязке амулетов, – не обратил внимания на его недовольство.

– А чего это ты колечками-накопителями обвешался? Хочешь стать живым амулетом? Молодец, хвалю. Хлоп! – тебя от Силы отрезали, а ты – раз! – и бьешь супостата структурой! Он не ожидает и падает. Если не от «дубины», то от смеха – это точно. Силен, брат! – сказал самым серьезным тоном, каким и принято шутить настоящим артистам.

Рус на шутку не отреагировал.

– Ладно, раз ты такой занятой, то я пойду, – сказал друг, делая вид, что разворачивается.

Рус тяжело вздохнул. Поздно выгонять, настрой сбит.

– Говори, чего уж теперь. – И все-таки пояснил наличие накопителей вокруг себя (закольцованные потоки Силы использовали в амулетах и многих структурах в качестве аккумуляторов Силы): – Вычитал кое-что в старинном свитке, проверяю. Ну что там насчет рабов?

– Ага, вычитал... ну-ну. Тебе, похоже, читать вредно. Так вот. Аура выглаткивает структуры. Это тебе не старое доброе астральное тело, чтоб дарки этих богов с их ссорами побрали!

Рус удивленно поднял бровь и невольно ухмыльнулся. Такого бессмысленного ругательства он еще не слышал. Дарки – всего лишь демоны-помощники одного из богов – Тартара, бога подземного мира, местного ада. Они никак не могут «побрать» даже самого захудалого божка.

– Потому и рабов не метили. – Довольный, Андрей заметил, что ему удалось пронять серьезного в данный момент друга.

Пусть не рассмешил, но заставил улыбнуться. Любому артисту это приятно, а Андрей был рожден для подмостков. Так считал и он сам, так думали о нем и другие. Семейная жизнь несколько не изменила его веселый характер.

– Структуру нельзя внедрить в ауру насильно, необходимо осознанное, искреннее согласие раба, но ты же понимаешь, что нормальный человек никогда искренне не пожелает себе рабской участи, а зачем хозяину раб-идиот?

«Это я – идиот! – мысленно ругнулся Рус. – Писал же ученый про силу Души, а я! Заставляю меняться структуру, а надо просто расслабиться и принять их... они же просто кольца Силы и никакого вреда мне не принесут, я это точно знаю!»

– Ой! Что это с накопителями? – прошептал удивленный Андрей.

Он как состоявшийся воин-маг всегда смотрел на мир одновременно обычным зрением и из легкого транса. Потому и заметил кольца сразу, как только глянул на Руса. Увидел и сейчас, как они перекрутились в разных плоскостях и создали причудливый узор, напоминающий цветок лилии. Ну, пусть не цветок, но три характерных лепестка кольца образовали.

Рус, несказанно довольный, оглядывал себя, обвешанного желтыми цветами. Сколько же он этих колец понаделал? Не меньше сотни. Клумба, ей-богу!

– Андрюша, как я тебе рад! – Рус подскочил и схватил друга за плечи.

– Эй, бергат, ты поосторожней с нежностями! – Андрей все еще ничего не понимал. – И цветник свой убери, заразишь еще. – И сам хихикнул от невольной двусмысленности.

– Это ерунда! – провозгласил Рус, и «цветник» исчез. – Ты не понял, что произошло?!

Друг молча потряс головой и добавил:

– Руки бы тоже убрал, что ли... не дави.

– Ха-ха! – Рус разжал наконец руки, но от избытка чувств хлопнул Андрея по плечу, да так, что тот пошатнулся, екнул и потер ушибленное место:

– Лучше бы ты продолжал давить... Так ты объяснишь? – Он догадывался, что «цветочки» – это очередное чудо, сотворенное Чиком, но не мог сообразить, какое именно. Это безумно интриговало его артистическую натуру.

– Он не понял! – воскликнул Рус не менее пафосно, чем мог бы воскликнуть Андрей. – Ха-ха! А кто из нас утверждал, что его работа тянет минимум на мастера, если предложить ее орденской комиссии? Из нас двоих – это не я, я более скромн.

– Да иди ты! Говори, а то я не знаю, что с тобой сделаю!

– Сдаюсь! – Рус шутливо поднял руки, но в его глазах продолжали плясать довольные дарки. – Эти, как ты изволил выразиться, цветочки, и есть новая привязка личных амулетов. Понял? Хорошо, поясняю специально для тебя, медленно и последовательно...

Добавляется небольшой циклический поток, только не в накопитель амулета, а как бы наружу, и – готово, можно привязывать. Испытания показали удивительную вещь – человека невозможно обмануть. Если сказать про обтекатель, что он вовсе не защита от магических атак, а амулет, допустим, повышающий потенцию, а такие на самом деле существовали, и многие от них не отказались бы, то, несмотря на горячее желание его заиметь, артефакт не привязывался, и все тут! Рус с Андреем пробовали и так, и эдак – люди при всем их желании не обманывались. Можно было просто умолчать, и тогда аура принимала безвредную структуру, но... до первого упоминания о ней. Не иначе Душа «видела», прав тот древний Хранящий.

Добровольцами выступали (кто бы сомневался!) десяток княжеской охраны. Хитрый Пиренгул ни в чем зятю не отказывал, но потом, конечно, эту десятку тщательно проверили его маги и... больше к телу князя не подпускали. Во избежание, так сказать, хотя абсолютно ничего страшного не находили, в том числе и Целители не обнаружили поведенческих закладок, а таковые они и раньше, до «Ссоры Богов», различали именно через ауру, как посредством нее же определяли и лечили многие болезни. А вот недоброй памяти лооски, наоборот, действовали исключительно через астральные тела.

Рус, побывав «богом», укрепился в собственной Воле, и структуры, основанные на его глубоком убеждении в их действенности, то есть аналоги земных механизмов, действовали безотказно. Правда, наиболее простые аналоги – Волю Богини тоже нельзя сбрасывать со счетов, иногда приходилось искать компромисс.

Структура обтекателя, видимо, относилась к компромиссным. К тому же мешала изначальная простота: купол, внутри накопитель – ни убавить ни прибавить, а надо сделать его работу выборочной, чтобы чистая Сила не отсекалась. Месяц думал, подбирая подходящие изменения, экспериментировал, пока не осенило...

Флюгер и шарнир. Божественная Сила всегда входит в склонного к Силе ровным потоком, а значит, флюгер не дергается. Стоит Силе завихриться – а структура есть всегда завихрения Силы, – флажок дергается и через шарнир раздвигает сложенный наподобие зонтика купол, причем именно в сторону возмущения. Такая избирательность направления поразила и самого Руса. Хотел – да, но не продумал в деталях, а это оказалось совсем не обязательно. Магия все же далеко не материальная механика. В итоге усложнение структуры получилось не слишком большим, и Андрей при испытании пришел в восторг:

– Ты бог, Чик, я всегда это знал! Просто и эффективно, дарки меня раздери! – И сразу, на кураже вдохновения, прямо на песке перевел русовские каракули из силы Земли в более плавную структуру для силы Гидроса.

– Я не бог, Андрюша, я только учусь, – отшутился Рус, думая при этом: «Не дай бог!»

Божеского обличия боялся как огня. Боялся не вернуться... это походило на смерть отдельно взятой личности, Владимира Дьердьевича Нодаша. А бывшая псевдобожественность, кстати, приносила только плюсы. Осознанная Воля... ну, почти осознанная – раз; стал различать в структурах обрывки божественных Слов либо сами Слова (пока бесполезные и непонятные, но все же) – два; и самое необычное: у Руса время от времени всплывали в памяти знания эльфов – три. Это, несомненно, наследие эльфийской крови, из которой он выплюнул частички их Душ. Но знания, получается, остались. Жаль, что они приходили исключительно фрагментарно, спонтанно, не системно и совершенно независимо от его желания.

Амулетами с новым обтекателем на силе Гидроса занялся Андрей. Он и ранее занимался их выпуском, решили не менять традицию. Да и секретность с этих уникальных изделий еще никто не снимал. Даже магистр Отиг, непосредственный наставник Руса в ордене Хранящих, только подозревал об их существовании.

Глава 2

Однажды ночью – а эльфийские знания имели противную привычку всплывать именно во сне – Русу открылись сведения от безымянного кагана, отвечающего за секретные ловушки вокруг башен Кальвариона. Стоит заметить, что знания появлялись вроде как от конкретных личностей, но в то же время были «безымянными». Все имена лжебог Рус выплюнул вместе с фрагментами несчастных эльфийских душ. Только одна каганская память лежала в его воображаемой библиотеке на особой полочке с надписью «Эльлэдан» – невеликие познания молодого кагана-разведчика, снятые у него практически мимоходом, во время обмена парой оскорбительных фраз. Прочно укоренился в его голове образ обычной земной библиотеки, а конкретно – автодорожного техникума, и все знания, в конце концов, занимали в ней подобающее место. Но сначала новые эльфийские видения все же требовалось записывать-зарисовывать.

Кляня «коварных эльфов» последними словами, из которых печатные составляли едва ли треть, Рус подскочил к столу с заранее приготовленными угольными карандашами и стопкой чистого пергамента.

Да, именно для таких случаев и пришлось притащить в супружескую спальню большой канцелярский стол, светильник и стул, которые никак не вписывались в интимный интерьер любовного гнездышка. Гелиния отнеслась к этому безобразию с пониманием.

Впервые эльфийские знания открылись Русу на плато Шаманов в обстановке, не располагающей к записи. Да и не думал он в то время о карандашах и пергаменте. А зря – знания скоро вылетели из головы. С тех пор и стал все фиксировать на более надежных носителях, чем собственная капризная память.

Это случилось месяцев пять назад, когда Русу пришлось разбираться с разгневанными Духами Великих Шаманов. Они очень обиделись на то, что он мог избавить их от клятвы давно ушедшему богу, таким образом отпустив из «бренного мира», но не сделал этого.

– Да забыл я, забыл! – клялся Рус перед сверкающими глазами мумий Озгула, Боргула и двух скелетов древних воинов-магов из старой экспедиции Хранящих. Остальные призраки носились в бестелесной форме, создавая зловещий гул разгневанного неодобрения.

– Ты обещал! – проревел Озгул, громыхнув об пол бесполезным теперь шаманским посохом.

– Согласен, обещал! Но! По мере возможностей, забыли, уважаемые?

– Не верещи, как глиноз под копытами, хитрая жаба! – прорычал Боргул, полыхнув мертвецким светом в пустых глазницах. – Ты был богом? Был. Мог добраться до печати? Мог! Ты не выполнил договоренности, и мы разрываем контракт! Отныне...

– Стоять, уважаемый! – резко, со зловещим придыханием прошипел Рус. Понты он умел колотить не хуже, а то и лучше каких-то там древних шаманов. – Я был не богом, я *играл роль бога*, чуешь разницу? А за «жабу» – ответишь. Там такой поток сознаний, что тебе, прозрачному овощу, и не снилось!

На Руса навалился многотысячный ментальный удар. Рисковал ли бывший браток? Еще бы! Его Духи сильны, и его Воля не подарок, но все же против совместного одномоментного давления тысяч разгневанных Душ неупокоенных Великих Шаманов... выдержит, никуда не денется, потому как надо. Здесь, в подвалах древнего храма, хранится не только золото компании «Чик и Ко», но и сами Великие Шаманы, которые ему еще очень даже пригодятся.

Выдержал. Вспотел, заработал красные глаза и головную боль, но выдержал – давление ослабло.

– Все, уважаемые, страсти улеглись? – примиряюще произнес Рус делано-безразличным тоном. Чего ему это стоило! Руки-ноги дрожали, дыхание сбивалось. Как только голос его еще

слушался, выдавая нужные интонации! – Теперь по порядку. Да, признаюсь, я о вас забыл. А чего вы хотели! – прервал он снова поднимающийся недовольный рокот. – У меня и без вас забот – воз и маленькая тележка! А кто мне говорил про какую-то печать, а? Ну-ка, вспомните? *Никто!* – сказал, как отрезал. – Была речь о клятве неизвестному мне богу и о том, что снять ее может только он сам. А теперь что я слышу? Голословные обвинения я слышу! Некрасивый базар получается, уважаемые.

Озгул ответил через долгие полстатера молчания:

– Ты не посланник неизвестного бога, ты... Дурак ты! – пророкотал так сильно, что с крепкого потолка подвала посыпалась вековая пыль. – Мы покажем тебе печать, иди за мной, – сказал и, не оглядываясь, уверенно пошел по лабиринту, припадая на посох. Остальные мумии остались на месте, а призраки куда-то испарились.

«А ведь для понта на посох припадает, старый жук, – думал Рус, двигаясь следом за бывшим «ночным князем». Он заметно высох и еще сильнее побледнел за прошедшие месяцы. – Интересно, чей Дух в нем сейчас сидит? Стопудово самый авторитетный среди них...» – думал, стараясь отвлечься от предстоящей работы. Он заранее предполагал, что она ему не под силу и подспудно продумывал оправдания.

В тусклом свете, в мертвенно-бледной лунной дорожке, вытекающей из глаз мумии, проступали многочисленные завалы, которые под влиянием загадочной Силы Предков разбирались и за спинами двух сущностей – пока еще живой и давно уже мертвой – собирались вновь. Наконец открылся небольшой, шагов десять в диаметре, круглый зал. В центре оного стоял грубо отесанный шестигранный валун размерами не больше двух локтей в ширину и высоту. Плоский верх был отполирован, посередине располагалось углубление. Ночным зрением, да еще и в свете Озгуловых глаз, Рус прекрасно видел полустертые руны, опоясывающие алтарь. Руны располагались густо, как наколки отмотавшего двадцать ходок зека. Чистые места отсутствовали, за исключением «стола»... нет, в ямке-чаше для жертвенной крови сохранился четкий рисунок оскаленной пасти, как бы глотающей вкусную соленую жидкость. При хорошем воображении можно было бы очень явственно представить, как пасть при этом еще и облизывается.

«Да что за бог ты был?! Явно пришлый, на Гее таких мотивов не прослеживается...» – пронеслось в голове Руса, пока он принимал удобную для работы позу – сиделся, скрестив ноги по-тирски. Озгул застыл за спиной и пригасил взор. Приготовился к долгому ожиданию. А что надо сделать, ясно без слов – сломать печать. Рус, погружаясь в транс глубже и глубже, видел ее все четче и четче.

Вот она, в глубине камня – Слово Бога, скрепленное фрагментами Душ, поглощенных вместе с кровью. Смертями жертв от алтаря не пахло.

«Это уже хорошо», – определил Рус, нисколько не удивившись своей способности чутя жертвоприношения. После того как сам чуть не стал жертвой – это неудивительно.

«Подскажите, друзья», – обратился он к своим Духам.

В ответ – долгое молчание. Не жаловали они пустые разговоры...

«Едрит твою через коромысло, Большой Друг, – в голове раздался плохо различимый голос Каменного, словно катающего во рту валуны. Значит – не уверен. Рус выучил характеры и манеры говорить почти всех своих Духов. – Пробуй Силу Земли да плюсуй Волю. Разбить надо этот хренов камень, и все дела! Но руны сильные, цепко держат, поэтому мы сейчас не при делах».

«Друг мой, не стоит подражать этим бездельникам Великим Шаманам. Они заразились от меня жаргоном, и ты туда же! Будь культурней, тебе не идет. Тем более получается коряво. Им простительно, им развлечение...» – говорил, а сам уже встраивал нити Силы в структуру. Каменный, точнее, Дух слияния с землей промолчал.

Сила Геи пронеслась мощным, почти физически ощутимым потоком (Рус, кроме своих хорошо прокачанных каналов, подключил и астральный колодец). Над алтарем возник молот с длиннющей ручкой. Размах и неразличимый удар, от которого содрогнулось все подземелье. Пыль, крошка, мелкие и большие камешки заполнили весь бывший алтарный зал... Дух Ветра быстро разогнал все по местам, а... валун остался целехоньким.

Озгул не выразил никаких эмоций.

– Попытка – не пытка, – вслух сказал Рус, пожимая плечами. – Заметил длинную рукоять? Рычаг! Это тебе не просто так. «Дайте мне точку опоры», – говорил один мудрец... – Механический удар «молота», помноженный на Силу, способен был расколоть скалу из твердейшего гранита – в этом Рус был уверен. А поди ж ты – не сработало...

Озгул не ответил. Мумия есть мумия.

До ночи Рус успел провести еще много экспериментов, самым оригинальным из них была попытка создать трещину: при помощи резкой смены жары-холода (помогали «друзья» – Духи) с одновременным точечным ударом. Рус устал и окончательно убедился, что все его попытки – тупик. Физика не поможет: дело в этих чертовых рунах, которые вцепились в то чертово Слово!

Плюнул на гордость и горячо помолился Гее – та сделала вид, что не услышала. Призывал Френома – с таким же успехом. Но на него, исповедующего принцип «воин должен рассчитывать на собственные силы», он и не надеялся.

Вода во фляжке плескалась на самом донышке, поэтому Рус только промочил горящее горло и, свернувшись калачиком, лег на каменный пол. «Утро вечера мудренее», – здраво рассудил он и заставил себя уснуть. Голод мучил не так сильно, а вот пить хотелось невероятно.

Мумия продолжала стоять молчаливым истуканом, в котором чудился немой укор. Рус так распалился, что забыл все заранее выдуманные оправдания.

«Я буду не я, если не расколю этот чертов орешек!» – пообещал сам себе, гася злость – помощницу во многих делах, но, к сожалению, не в этой безнадежной затее. Сейчас он бы с удовольствием ушел «ямой» домой, вкусно поел, сладко попил, но... координаты не снимались, а Озгул больше сюда его не поведет – в этом Рус был почему-то уверен.

Не рассчитывал он ни на какое снятие печатей, думал просто заболтать-отвертеться. Зачем поперся за мумией? Правильно, слишком сильно пальцы гнул, не мог не пойти...

Рус подскочил ночью как ужаленный. Какой-то старый альган разбирался в рунах Изначального языка, языка Истинных Перворожденных. В голове появилась четкая картина рун, вырезанных на больших пластах коры Древа Жизни. Он знал имена каждой из них и только что с удивлением понял, что значение заклинания изменится на противоположное, если прочитать его задом наперед. Только для этого необходима толика Божественной Воли, кося обладали Истинные Перворожденные и потеряли их дальние потомки.

Спросонок, подходя к алтарю, Рус еще путался, кто он есть – имеющий имя человек или безымянный альган. Без труда нашел исходную руну, два раза обогнул камень и увидел завершающую. Надпись шла по спирали снизу вверх. Набрал полную грудь затхлого воздуха, и... из него полились звуки Изначальной речи. Странное пение, переходящее от баса к дисканту, отдаленно напоминало заклятие эльфов во время создания «межреальности» или молитву венчания на Этрусское царство. Начал с завершающей ноты, ибо древние руны означали не слоги-звуки, а слово-тон-продолжительность, и закончил исходной, то есть «пропел» заклинание наоборот. По мере произношения очередной руны та вспыхивала и выплывала из камня. По окончании «обратного пения» вокруг Руса висели горящие жарким малиновым светом вычурные знаки, а из глубины камня медленно поднималось бледное Слово.

«Господи, в нем Воли бога почти не осталось, оно держится исключительно на Силе душ самих Шаманов! Идиоты, им стоило поверить, что печати-то, по сути, больше нет, и все! Слово распалось бы само! – с искренним недоумением подумал Рус. Легко быть умным, когда дело не касается тебя лично, правда? – А Волю мы сейчас добавим...» С этой мыслью он занес

руку над жертвенным углублением и резанул по запястью кинжалом. Кровь потекла из пореза, свесилась с кожи набухшей каплей, нехотя оторвалась и полетела в довольную «пасть зверя»...

– Дармилей Разрушитель! – Рус перехватил каплю другой рукой, не позволяя упасть в углубление алтаря, и резко повернулся к мумии Озгула. Его голос звучал перекастистым басом – почти так же зловеще, как голоса самих призраков. Теперь он знал каждого из Великих Шаманов по имени и совсем этому не удивлялся. – Ты в ответе за всех своих товарищей?

– Меня слушают, – уклончиво ответил Озгул, и Рус мог бы поклясться, что он самое малое напуган, а скорее всего в ужасе, но тщательно скрывает свои эмоции.

– Всех сюда! – скомандовал Рус, и небольшой зал сразу, будто души только этого и ждали, забился бестелесными сущностями. – Я отпущу вас всех, избавлю от клятвы, но вы пообещаете мне, что часть из вас по-прежнему останется охранять плато. Если хотите, меняйтесь, работайте график. – После этого слова ловко слизнул готовую упасть кровь. «Черт, глубоко порезал... успеть бы». Не слушая гомон в целом согласных Духов, продолжил: – Обещаете по моему призыву являться ко мне из «мира Предков» в мир живых и выполнять мои маленькие просьбы. Не переживайте, это будет нечасто. – И снова, почти выворачивая руку, слизал кровь с другой стороны ладони. Горсть наполнилась практически доверху. – Я жду!!! – прорычал Рус. – Иначе сожгу эту кровь, к даркам, и пошли вы куда подальше! Оставайтесь здесь еще на пару тысконок лет!

– Да, Господин, согласны! – Хор голосов почти оглушил, но Рус четко расслышал – ни один не отмолчался.

– Я вам не Господин, я – Освободитель! Понятно?! – Он помнил, как объясняли разницу его Духи, ставшие «друзьями». Просьбы выполняются охотней, чем приказы, но главное – Духи в свободном состоянии гораздо сильнее.

В третий раз кровь из ладони пришлось банально отхлебнуть. Ничего, не перемутило.

– Понятно, Гос... – Эти запнувшиеся слова прозвучали слаженно, а далее зазвучала разноголосица: – Освободитель... Освободитель... Осво...

Рус терпеливо дождался тишины и торжественно произнес:

– Я жду обещания...

– Обещаем! – рявкнул слаженный хор, напомнив военный парад, и хитрый человечиска перевернул наконец ладонь.

Едва кровь коснулась намалеванной в чаше пасти, как из нее вырвался столб белой Силы. Слово Бога завывало, заметалось, но, не в силах сопротивляться, поплыло к этому столбу, на ходу теряя кусочки душ, которые устремлялись к «своим» призракам. Столб поглотил уже совершенно блеклое, полупрозрачное Слово и сразу исчез. Бывший алтарь покрылся трещинами и на глазах рассыпался в обычную подвальную пыль. Куда и когда пропали горящие вокруг Руса руны, он так и не заметил.

– Предки!!! – раздался чей-то восторженный вопль, и призраки один за другим стали исчезать.

– Стоять, неблагодарные! – громовым голосом остановил их Озгул, точнее, Дармилей Разрушитель. – Освободитель еще здесь!

– Ладно, ребята, – Рус успокаивающе поднял руку, – я устал и пошел домой. Вы уж сами тут, без меня, разбирайтесь. Дармилей – за старшего. – Сказал и, не теряя времени, благополучно провалился в «зыбучую яму».

В «Закатном ветерке» выскочил в привычном месте – в гоштовом саду. Прошел мимо удивленных стражников и устало побрел в дом, где предвкушал встречу с заплаканной женой и заранее подавлял укоры совести. Ушел на пару четвертей, а вышло... Переживает, беденькая!

В действительности все вышло не так страшно. Гелиния прекрасно чувствовала его состояние на любом расстоянии (подарок либо шутка Геи или любовь, усиленная «смешением» душ, которое произошло тогда, когда девушка приходила в его внутренний мир). Он тоже в

любой дали знал душевный настрой Гелинии, но просто, как большинство мужчин, был менее восприимчив «ко всяким нежностям-трепетаниям». Встретив, жена обняла его, поцеловала и повела в столовую, где стол ломился от яств.

Наутро Рус приказал принести в спальню канцелярский стол. Он очень досадовал, что забыл значения почти всех рун Изначального языка...

Рус быстро и тщательно записывал и зарисовывал знания «секретчика». Работал механически, отрешившись от эмоциональных оценок открывающихся возможностей. Главное – скорость. Необходимо записать как можно больше и только потом восторгаться результатами.

– Все, Гел. – Через целую ночную четверть Рус устало откинулся на спинку стула. – Похоже, полезные вещи... через день очередная заброска.

Он давно ощущал сочувствующий взгляд жены. Она проснулась вместе с ним и так и не легла, терпеливо дожидаясь завершения работы. Сидела на кровати, положив голову на поджаты к подбородку колени, и любовно смотрела на склоненную спину мужа. Так повелось с первой ночи этих внезапных «откровений».

– Я тоже на это надеюсь, Русчик, а то мне всегда обидно, когда ты так работаешь, не спишь, а выходят воспоминания какой-нибудь обиженной женушки...

– Но даже они, – Рус повернулся на стуле к кровати, – помогли мне картографировать город и долину. Ничего случайно не всплывает, я в этом уже убедился.

– Закончил? – Гелиния зевнула. – Давай спать. Но только спать! Надоело приезжать на занятия невыспавшейся.

– А ты спи, зачем мне спину взглядом протираешь? Светильник⁴ я от тебя отворачиваю...

– Ага, ты будешь над столом корпеть, а я сладкие сны видеть? Я с тобой и в радости, и в горе – забыл? – В это время Рус уже забирался под легкое покрывало. – Давно говорю тебе: давай буду помогать, – и в такт этим словам локотком колола бок мужа.

– Ты только мешаешь, – так же ритмично ответил Рус.

– Тогда забрось меня в Кальварион, – тем же напевом произнесла Гелиния.

– Говорю в который раз: не время, вместе пойдем. – Как ни хотел, но эта фраза в ритм не уложилась. – Тьфу, Гелька! – Рус разозлился. Больше на самого себя, из-за неопределенности с Силой пятен, чем на привычные просьбы жены-непоседы. – Сказал вместе, значит вместе! Уже скоро! – ответил на невысказанный вопрос. Сразу успокоился и «перевел стрелки»: – Тем более тебя Отиг не отпускает.

– Но в Этрусию же отпускал! – теперь возмутилась Гелиния. – Стоит тебе попросить, и он все для тебя сделает!

– А вот и нет! Тебе тогда необходим был отдых для укрепления каналов Силы. Ты же проходила занятия на растяжение, забыла?

– Врешь ты все! Как всегда! – Жена обиделась и отвернулась. Что и требовалось уставшему Русу.

«Чертово пятно!» – привычно посетовал он.

Его тянуло туда. Половина души жила там, в загадочном и прекрасном Кальварионе; помнила ласковые объятия пятна: мира части его сущности, мира, готового выполнить любое желание. Но Рус опасался не вернуться. Вдруг Сила обретет Имя... и это станет его именем. Навсегда станет, на всю вечную жизнь... Чувствовал – так и случится. Это помогало терпеть и ждать. Свой «божественный» образ он вспоминал с содроганием.

Побережье Северного моря встретило их ярким цветочным ковром.

⁴ Светильник – амулет Светящих.

Весна в этих краях скоротечна, как коротко и холодное лето. Надо торопиться, чтобы продолжить хоровод жизни. Быстро отсверкать яркими красками, скорее вырастить мелкие семена и вовремя уронить их в холодную землю, дабы зарылись они поглубже на долгую зиму. Тогда появится реальный шанс встретить следующее весеннее тепло и подарить тундре новую жизнь.

– Ух ты! – воскликнула Гелиния. – Как красиво, Рус!

– Это только для тебя! – высокопарно произнес бывший этрусский царь, пораженный весенней тундрой не меньше своей ненаглядной. Тучи гнуса бессильно гудели вокруг их тел, не в силах преодолеть обычный магический фумигатор – противокомариный амулет, сделанный эолгульскими алхимиками ордена Пронзающих.

– Врешь, а все равно приятно! – С этими словами Гелиния поцеловала Руса в щеку.

– Сейчас в Этрусии конец весны, месяц травень⁵, – пояснил муж, – совпадает, как сама понимаешь, с геянским Эребусом. Заметь, как удивительно: бог сгинул, а месяц остался.

– Чего тут удивительного, – не согласилась жена, – весна никуда не делась. Но как странно, Русчик! Север, а все вокруг цветет! Больше, чем в Тире. Хочу здесь жить! – прокричала она, восторженно вскинув руки и закружившись в каком-то подобии танца.

– Нет вопросов, дорогая. Эти земли как раз свободные, построимся! Но... – Тут он выдержал хитрую паузу. – Море цветов – это потому, что торопятся. Лето короткое, а зима длинная. Море тогда замерзает, а кругом лежит снег. Снежное безмолвие... Всему живому надо успеть родить за короткое лето... – Старался говорить как можно поэтичнее и нарвался:

– А мы, Рус, – тихо сказала Гелиния, замирая, – когда мы родим?

– Тю-у-у... – потенциальный отец обнял свою благоверную, – по мне, так хоть завтра!

Своенравная княжна вдруг взбеленилась и вырвалась из объятий:

– Ты на что это намекаешь?! Я тебе не стельная борчиха⁶, чтобы рожать для твоего приплода! – Сказала так гордо, будто и не было секундного сожаления. – Вот отучусь два года, тогда – пожалуйста. И вообще, я сама определяю, когда мне рожать! Ясно?! И не смей мне указывать!

– А я тебе разве указывал? – Рус хитро прищурился.

– Да! Ой, нет... но намекал! Лето здесь короткое! Видите ли... Все, не хочу здесь жить, пошли отсюда, – сказала, стараясь спрятать за капризным тоном давно сдерживаемое расстройство.

– Идем, любимая, – все для тебя! – произнес он, торжественно разводя руки, и продолжил делано-безразличным тоном: – Рожай, когда тебе вздумается, можешь даже не от меня...

– Идем. – Гелиния уже потянулась к нему, когда до нее дошел смысл его слов. – Что... что ты сказал, повтори! – Последнее слово почти прорычала, и маска надменности слетела с ее лица.

Прищурилась, дунула, сбивая с глаза упавшую прядь, и бросилась на мужа с кулаками. Причем старалась делать так, как и он, и Леон, и Максад ее учили: бить в уязвимые места, уклоняться, использовать инерцию более тяжелого мужского тела. Конечно, лучше сбежать от неравной схватки, но не от родного же мужа?

Вскоре он, поверженный, лежал на спине, она – растрепанная, уставшая, разгоряченная схваткой – сидела на нем и била кулачками по его груди:

– Ты дож-дешь-ся, ро-жу не от те-бя... – Каждый слог сопровождала ударом, но глаза, до этого горящие праведным гневом, больше не метали молнии.

⁵ **Травень** – соответствует земному маю или общегеянскому эребусу. В «просвещенных» землях был принят гелинский календарь из двенадцати месяцев с именами общепризнанных богов.

⁶ **Борчиха** – самка борка (*разг.*). Основное мясомолочное животное, умная и выносливая безрогая «корова». Борки вышли из каганских пятен вместе с единорогами, которые выходили также и из альганских лесов. Одомашнились и расселились по всей Гее.

Рус заметил, что запал у жены пропал и держалась она исключительно на упрямстве. Не обращая внимания на легкое, больше капризное, сопротивление, притянул к себе, поцеловал и зашептал в самое ухо:

– Успокойся, Солнышко! Не казни себя. Я все понимаю: надо доучиться – во время беременности расширять каналы опасно. Честное слово, я подожду.

Гелиния лежала на Русе, с трудом сдерживая слезы: «Он прав, он всегда прав! Величайшая⁷, ну почему так несправедливо! Всегда хотела быть свободной, а теперь безумно хочу ребенка! От него, от моего Русчика!»

А во время этих мыслей говорила:

– Пошли отсюда в самом деле. К людям, во дворец. А то разревусь. Не хочу перед Эрланом предстать страшилищем.

⁷ **Величайшая** – «титул» богини Геи, посвящение которой принимали все Хранящие и часть обычных жителей. Почитали же ее почти каждый четвертый.

Глава 3

Эрлан Первый облюбовал себе покои в древнем крыле замка, на примере убиенного Гросса Пятого убедившись в пользе старых добрых подземных ходов. Тем более что Звездные тропы так и не создавались.

Рус с Гелинией вышли из «ямы» перед старой спальней Гросса, то есть в новом крыле. Других координат в царском дворце Рус просто не знал, не удосужился снять в свое время. Их встретила невозмутимая пара скучающих гвардейцев, узнала и со всем уважением проводила в другое крыло замка.

Гелиния удивленно озиралась по стенам. Кругом – изображения батальных сцен. Отдельными полотнами висели многочисленные портреты этрусков – царей, наследников, военачальников, жен. Часто встречалось изображение единственного бородатого мужчины, всегда смотрящего прямо в глаза требовательно-призывным взором. О нем и прошептала в первую очередь:

– Кто это, Рус?

– Френом, бог этрусков. Он являлся на землю пять тысяч лет назад, – прошептал в ответ муж. – Про остальных не спрашивай, не знаю.

– Нет, у нас лучше, – заключила она через некоторое время. – Гораздо красивее и грандиозней, даже в Эолгуле. А ты еще Альдинополя не видел.

– У вас, – он выделил слово, – вычурней, а не красивей. Тут уютней и, согласись, будто сама история смотрит. И теперь это у нас, а не у вас, привыкай.

Гелиния тихо фыркнула, обозначая свое несогласие, но прошептала противоположное:

– У нас, милый. Я привыкну. Не такие уж они и варвары, только чуть-чуть отстают.

На это фыркнул Рус, но дальше спорить не пришлось – пришли. Гвардейцы какими-то хитрыми путями, проходя только пустыми коридорами, привели путников в комнату без окон, освещенную масляными светильниками, и единственной, кроме той, в которую зашли, ничем не примечательной дверью.

– Князь Рус Четвертый, княгиня...

– Гелиния, – подсказала девушка.

– Подождите здесь. – Один из гвардейцев показал на лавку вдоль стены. – Царь выйдет, как только освободится. Это недолго, уверяю вас... – хотел добавить еще что-то, но промолчал. Впрочем, по тщательно отводимому восторженному взгляду и так понятно: «Сын Френома прибыл! А то и сам бог, кто его знает».

Во время речи первого этруска второй незаметно скрылся за дверью, открывшейся-закрывшейся абсолютно бесшумно. Поспешил доложить. Эрлан сорвется хоть с госсвета, хоть с любимой жены – к прорицательнице не ходи! Только эта таинственность...

«Не, все правильно. Эрлан – умница, так распорядился. Специально меня там ждали. Может, и до сих пор ждут в других местах «наиболее вероятного появления» – я же не докладывал, когда и куда. Ну а уж если гвардейцы на меня так смотрят, то с большими массами народа мне действительно лучше не встречаться...» Мысли Руса прервал вышедший из таинственной двери гвардеец:

– Князь и княгиня, придется пройти в другие покои.

Они сделали полукруг по новым проходам, один раз задержавшись, чтобы пропустить за поворотом каких-то громко разговаривающих людей числом, судя по голосам, не менее десятка, и подошли к той же группе комнат, только с противоположной стороны. В этот раз второй гвардеец просто распахнул дверь и молча пропустил «князя с княгиней».

Эрлан стоял посреди большого помещения с двумя столами, заваленными свитками и листами пергамента. На стенах висели всего четыре портрета: неизвестного хмурого этруска,

Гросса Пятого, самого Эрлана и... Руса Четвертого, почему-то в старинных латах – почти сплошной броне.

Так они и застыли: Рус с Гелинией напротив портрета, с которого «тот» Рус, удивительно похожий на настоящего, смотрел очень даже грозно. Высокий живой Эрлан Первый, одетый в национальный жилет – скромный, из мягкого войлока, совсем не соответствующий его царскому положению, оказался как раз между двумя «изображениями» прежнего правителя и не знал, что делать.

Первым опомнился Рус:

– Здравствуй, Эрлан! – Широко улыбаясь, подошел к царю, приобнял за плечи и сразу отстранился. Никогда они не дружили как равный с равным, несмотря на легкость и простоту общения в «агитационном отряде»; Эрлан всегда подчеркивал высокое положение Руса-принца и не сближался. – Гелиния, подойди к нам. Познакомься заново: Царь Всех Этрусков Эрлан Первый, можно просто Эрлан. – Заглянул в глаза нынешнего государя, поразился смятению его чувств и продолжил гнуть свою линию: – А я – просто Рус. – Говорил, казалось, в самую душу. – Так ведь, Эрлан? Мы теперь ровня, ни к чему устраивать чинопочитание... Так? – На это слово нажал особо, и самодержец наконец определился.

– Здравствуй... Рус! – тихо продавил он простое слово и расслабился. – Здравствуй, Гелиния, очень рад встрече.

Как он изменился! Не внешне: обладая магией Призыва, за телом проследить не трудно, а вот внутренне – будто надломился. Рус легко прочитал это в его взоре и испытал укор совести: «М-да, не подумавши я тогда поступил... Но он единственный, кого я знаю, не имел прямого кровного родства с Груссом! Да, генеалогическое древо в тереме Радана все решило. Почти спал тогда, но все же углядел... Нет, ну не мне же становиться царем страны, о жизни которой я понятия не имею! Ничего, Эрлан, справишься! Я в тебя верю! – Вот так ловко снова скинул с себя ответственность. – Тем более уже поздно, ничего не изменишь». И успокоился окончательно.

– Эрлан, мы на пару четвертей, просто погостить. Гелиния уговорила, ты же знаешь жен! – И незаметно толкнул супругу.

Жена поняла:

– Да, Эрлан, я ему все уши истоптала! Помнишь, побежала за вами, а он, – открыто толкнула Руса, – выбросил меня обратно в Тир! После этого я с него не слезаю. – С этими словами так лукаво посмотрела на царя Этрусии, что тот расплылся в улыбке:

– Рус, Гелиния, вы голодны? – И, не дожидаясь ответа, позвонил в колокольчик. – Обед на троих, прямо сюда, – распорядился, не оглядываясь на степенно вошедшего пожилого этруска в неизменной жилетке, прошитой золотыми нитями так, что атлас только угадывался.

– Слушаюсь, государь. – Пожилой важно кивнул и не менее важно вышел. Если он и удивился приказу, то виду не подал. А Рус предусмотрительно отвернулся и заговорил только тогда, когда слуга вышел:

– Ты прав, мы есть хотим... – Но Эрлан остановил его взмахом руки и тихо проговорил:

– Не стоит шуметь, скоро внесут обед. Вы раздевайтесь, не то вспотеете.

Молодожены только сейчас обратили внимание, что они как были в длинных кожаных плащах с откинутыми капюшонами, так в них и оставались. Жарковато в помещении. Рус принял у Гелинии дождевик, снял свой и по указке Эрлана сложил их на стул. Задвинул под стол и снова вовремя отвернулся, делая вид, что копается над сиденьем. Услышал стук колесиков по каменному полу и сразу учуял запах такой вкуснятины, что невольно сглотнул слюну.

– Все свободны! – приказал царь. – Соригон, не надо помогать гостям, мы сами справимся, свободны!

Рус выпрямился лишь после закрытия большой двустворчатой двери:

– Ну ты...

И снова был остановлен этрусским самодержцем, который подходил к закрытому занавеской косяку. Повеяло силой Призыва, и по всему кабинету активировались глушащие Знаки.

– Наконец-то! – облегченно воскликнул Эрлан и резко обернулся.

Его воспаленные глаза метали молнии. Оказывается, он еще сдерживался, смотря на бывшего принца первые мгновения встречи.

– Рус Четвертый, пасынок Френома! Раз ты позволил по-простому, то я так и скажу: ты подставил меня под венец, не спросив согласия! Это благородно?! Думаешь, я только и мечтал о царстве?! – Рука, сжимающая рукоять кинжала, побелела (привычный меч отсутствовал), государь угрожающе надвигался на Руса...

– Ой, Эрлан, у тебя каблук отвалился, – озабоченно сказала Гелиния, и царь рефлекторно перевел взгляд на свой сапог. Непонимающе поднял один, второй, а княгиня меж тем продолжала: – И вообще, ты пригласишь к столу? Я голодна как волк! Да, как волк! Волчица столько не съест, сколько я готова... а какие запахи! Понюхай, Эрлан!

Царь, осознав неуместность своего поведения, чуть ли не физически сдуслся. Покачался на целехоньких каблуках, хмуро помотал головой и бросил руку, с трудом отняв ее от кинжала, в сторону стола на колесиках с источающими манящие запахи блюдами:

– Угощайтесь, гости дорогие! – Яд в его голосе мог бы отравить продуктов и в пять раз больше, чем предстояло съесть. Но гости оказались непривередливыми.

«Какая она у меня умница!» – восхищенно подумал Рус, подставляя жене стул.

Выпили, поели, выпили, еще выпили... Самое то, что нужно в подобной непростой ситуации. Не так представляли молодые супруги теплую встречу со старым знакомым.

– Какие у тебя замечательные повара, Эрлан, – нахваливала Гелиния, без всякой игры уминая за обе щеки. – Мм, такую перепелку... это перепелка? Прости – стокач. Сама удивилась, с чего бы она такая большая... А соус! Не знаешь, из чего готовят?

Эрлан сначала отвечал неохотно, но сам не заметил, как втянулся...

– Ты понимаешь, что самое обидное, Рус? – В конце концов, царь, наплевав на отрезвление, позволил себе напиться и теперь изливал другу душу. Они сидели уже около четверти, и ему приходилось четырежды подходить к дверям, отключать «глушилку», орать все более пьяным голосом, что все нормально, а то выбили бы створки. Отходя от дверей, не забывал снова активировать Знаки. – Я – не самодержец, я – твоя марионетка, и ты это прекрасно знаешь! Да это все вокруг знают, у всех на рожах написано! Ты можешь прийти в любой момент, и все тебя ждут! И я жду в первую очередь! Понимаешь?!

– Ну приду, и что? – Рус хоть и меньше, но опьянел тоже изрядно. Он тоже выключил отрезвление и Духов строго-настрого... попросил (это соответствовало грозному приказу).

– А то! Отдашь распоряжения, о которых я даже и не подозреваю, и снова смоешься в свою «яму»! А я исполняй. Ты же – сын бога, это не шутки. – Говоря это, Эрлан пьяно качал пальцем у самого лица «божьего сына».

– Да не буду я лезть к тебе с поручениями, вот еще! И так достаточно наприказывал. Кстати, как выполнение?

– А-а-а, – отмахнулся Эрлан и вдруг расцвел: – Мы же до моря дошли! Дней пять, как голубь от Филарета прилетел. Кушинги⁸ не сопротивлялись, а кочевников разбили напрочь! – И хлопнул по хрупкому столу. Изящная столешница треснула, вино и огневичка, подпрыгнув в кувшинах, пролились на белую скатерть, а часть тарелок попадала на пол, звонко зазвенев серебром и разбрызгав остатки того, что там еще находилось. Несмотря на выпитое, ловкие воины и юная маг-Хранящая (практически трезвая) успели отскочить, не замаравшись.

Царь продолжил как ни в чем не бывало:

⁸ **Кушинги** – племя морских торговцев. Имели небольшое собственное княжество на побережье, точнее, большой город-порт Кушинар. Кочевники их не трогали, ограничиваясь данью и выгодой от торговли кушингов со всем миром.

– Они, понимаешь, привыкли все из астрала подглядывать, а Филарет и старые книги изучал, и о знаниях Леона из геянской истории хорошо мне отзывался. Пригодились. А где он?

– Пока в Тире. Силу осваивает ускоренными темпами. Живет в «Величайшей Гее», это таверна рядом с орденом. Ты, поди, бывал в ней, когда за мной следил, – ответил Рус, присев на стул. Теперь уже вдали от поврежденного изобилия, мечты гурманов. Так же, поморщившись, поступил и Эрлан. А Гелиния, ругнувшись в сердцах, принялась наводить на столе хотя бы видимость порядка.

Для нее не стало откровением «божественное» происхождение мужа, он рассказал об этом заранее, как о веселом казусе. Мол, этруски сами определили, он повода не давал. Сейчас убедилась в полнейшей серьезности их убеждения, и это приятно грело ей душу. Еще бы! Быть женой сына бога (да пусть даже пасынка и пусть ненастоящего), но в этом уверены все окружающие – это выше, чем быть царицей! Положение настоящего этрусского царя – наглядное тому подтверждение. Раньше Эрлан почитал Руса как своего принца, а теперь... Гелиния затруднилась с определением, но одно уяснила точно: ее ненаглядный самый главный в Этрусии! И он ее любит. Правда, напился, как раб в освобождении, никогда таким не видела, но в данной ситуации это – необходимо. Ничего, протрезвеет.

– Какую Силу? – не понял Эрлан. – Он вроде не был склонным... А-а-а! Ты же провел обряд обретения соратников! Точно! Подожди, так его к нашим жрецам надо...

– Не, он к силе Геи склонен. Не знаю, как так получилось, наверное, они там, – словно надеясь увидеть богов, Рус запрокинул голову, – между собой так решили, я не в курсе.

– Ну да, – согласился этруск, – ты же еще и Гее посвящен, все может быть...

«Та-а-к, милый, тебе еще много предстоит мне рассказать, никуда не денешься!» Гелиния дернулась, услышав об обряде, и продолжила делать вид, что занимается исключительно столом, стараясь стать как можно незаметней. Вдруг еще что-нибудь интересное откроется?

– Кстати, Эрлан, а как дела с орденом Призывающих?

– У-у-у, – царь чуть не взвыл, – это самая большая головная боль! В Думе, ладно, грусситы на грусситов косятся – привыкнул. – Рус хоть и был пьян, но радостно отметил, что нынешний царь, бывший ярый груссит, не причисляет себя к некогда «родной» партии, – А орден... давай завтра, я не соображаю. О, слышишь, опять долбятся! Вот и жену позвали. – При этих словах недовольно скривился, а из-за двустворчатой двери слышался женский голос («глушилка» работала односторонне):

– Эрлан! Немедленно открой дверь! Ты там с женщиной! Если не откроешь, я позову Фридланта!

Гелиния впервые услышала этрусскую речь. Слов не поняла, но общий настрой ясен: жена сильно ревнует мужа и грозитя страшными карами.

В ответ на слова жены Эрлан обратился к Гелинии, забыв, что она не понимает по-этруски:

– Слышала? Верховным жрецом угрожает. – Вспомнил, что Гелиния иностранка, и продолжил, как и весь предыдущий разговор, по-гелински: – Пятнадцать лет женат, а как была стервой, так и осталась! Родители нас женили, у нас так водится.

«И не только у вас...» – мысленно отметила девушка, отчего-то испытывая удовольствие.

– Смотрю на вас с Русом и завидую. Эх, мне бы тоже упорство проявить! Теперь поздно. Зато сын – весь в меня и дочка – красавица, обязательно познакомлю! Жаль, видел их нечасто... раньше, понимаешь, я с ней почти не жил... и хорошо было! Теперь приходится... Рус! Ты и про это не поинтересовался, перед тем как... э-э-э... да чего теперь... – Досадно крикнув, царь пошел открывать дверь.

Гелиния бросила на мужа прожигающий взгляд, примерно соответствующий такому выражению: «Как ты мог! К даркам царство, но заставлять человека жить с нелюбимой!» – ну, или что-либо подобное. Рус виновато, но супруге показалось – хитро, пожал плечами: «Пони-

маю, но откуда же я знал?» Несведущий человек, глядя на подобное выражение чувств, вполне мог подумать, что если бы Рус представлял себе глубину семейных проблем Эрлана, то это в корне изменило бы то судьбоносное решение. Но Гелиния уже успела выучить мужа, как она считала – неплохо, поэтому с грустью определила: «Эх, мужи... и ты, Русчик, ничем от них не отличаешься... наплевал бы ты на Эрланово горе...» Именно «горе»! Юношеский, в ее случае – девичий, максимализм у молодой княгини не вполне еще выветрился.

Роскошная женщина в длинном шелковом платье с традиционной этрусской вышивкой быстро оценила обстановку. Похоже, мужа она на самом деле нисколько не ревновала, зато какой повод поскандальить! Но, мгновенно узнав Руса, преобразилась. Она не видела «сына Френома» на крыльце главного Фрегорского храма, но дворцовые портреты оказались очень точными. Единственно поразились, хоть и слышала об этом, его маленькому для этруска росту, навскидку – чуть больше четырех локтей (175 см по-земному).

– Вообще-то он у меня так не напивается... – Роланда, заискивающе заигрывая глядя на Руса, замялась, лихорадочно соображая, как его называть.

– Теперь я князь, царица Роланда, – помог ей «божий сын». – Это я виноват, надеюсь, ты его простишь...

Откуда ни возьмись кабинет наполнился толпой придворных.

«Находка для шпиона, – с пьяной усмешкой подумал Рус, обращая внимание на свободный доступ к, несомненно, секретным документам, – но это пусть сам Эрлан разбирается».

От восторженно-восхищенных, притворно-заискивающих, а порой и открыто злобных взглядов вдруг затошнило. Рус с Гелинией сослались на усталость. Их отвели в роскошную спальню, где муж сразу вырубился и впервые пьяно захрапел. Жена попыталась его растолкать – бесполезно. Подумала, но Силу применить не решилась. Легла подальше и зажала голову пуховыми подушками. Благо их на огромной кровати нашлось достаточно. Погоревала о своей нелегкой судьбушке, о тяжелой доле женщины, у которой муж – пьяница, и уснула.

Отказавшись пройти в столовую, куда обязательно сбегутся «лишние» придворные, супруги позавтракали в спальне. Нарядились в свою же походную одежду, проигнорировав принесенные богатые платья, и в сопровождении гвардейцев прошли во вчерашнюю «комнату совещаний», а не «кабинет», как ошибался Рус накануне. Нынче их то ли специально вели по центральным коридорам и залам, то ли народ сбегался поглазеть на Френомова сына – Четвертичного Царя⁹, но сегодня через толпу придворных чуть ли не пробивались. Атмосфера звенела любопытством, обожанием, завистью, надеждой и ненавистью – типичными придворными чувствами, и «звериному» нутру Руса это крайне не нравилось. А вот привычная к дворцовым порядкам Гелиния переносила сие внимание вполне сносно, хотя и без одобрения.

Хвала богам, в «совещательной комнате» находились знакомые лица: Фрилант, Вавилиан, Эрлан. Свитки и листы пергамента теперь лежали в образцовом порядке, за которым следил один незнакомый Русу человек, намеренно державшийся в тени – «секретарь совещаний» Горлик. Маги, вчера изрядно принявшие на грудь, сегодня, как и положено, похмельем не страдали¹⁰.

Встреча получилась неожиданно теплой, не чета вчерашней. Эрлан, не без помощи Верховного жреца, окончательно взял себя в руки, смирился со своим положением. С удовольствием, под легкое белое вино, вспомнили былые подвиги, и Вавилиан приступил к обстоятельному докладу. Он так и остался Хранителем традиций, только теперь не грусситов, а всей Этрусии, и хранил, кроме старых традиций, новые указы «сына Френома». Надо ли упоми-

⁹ Четвертичный Царь – народное прозвище Руса Четвертого. Каламбур из «номера» царя и времени его «царствования».

¹⁰ Не болеть с похмелья – мечта всех алкоголиков, реализованная во многих произведениях жанра фантастики-фэнтези. Заставляет задуматься о здоровье авторов...

нать, что Гелиния сидела тише мыши, а уши наострила почище лисицы? Особенно когда разговор шел о подвигах. Многое предстояло выдержать скрытному Русу – не позавидуешь.

Воины обеих партий охотно откликнулись на призыв «окончательного решения кочевого вопроса». Не без тренировок, конечно, но в целом армия, где сохранили партийные подразделения, показала себя неплохо. Эрлан поправил: «Блестяще», осторожный Вавилиан промолчал.

– Нет, нет, нет! – встрял Рус. – Партийцев необходимо смешивать везде, где только можно! Армия – наиболее подходящий институт, с нее и надо начинать! Забыть быстрее о вековых распрах, забыть!

– Это наказ? – невозмутимо спросил Хранитель традиций, пододвигая себе чистый лист. Секретарь незаметно вложил ему в руку перо.

– Ты что, Рус? – Слово взял Эрлан. После вчерашней пьянки он стал относиться к нему, как к ровне. По крайней мере, в общении. – Так просто это не сделаешь, на своих министрах убедился! Если в одном ведомстве сидят бывшие враги, то плюются, саботируют, интригуют, а ты говоришь – армия! Как бы в спину не ударили.

– А Филарет пробовал?

– Нет, конечно!

– Пусть пробует, – твердо сказал Рус и поправился: – Я сказал «пробует», это не значит, что надо немедленно рушить все устоявшиеся порядки. Пусть начинает с самых боевых частей, с общих дозоров. Но политику вести на окончательное смешение! – И соизволил пояснить: – Мне пришлось послужить в армии, куда приходили ненавидящие друг друга народы. В спокойном гарнизоне – да, вражда сохранялась, но в боевых условиях я ни разу не слышал, чтобы кто-то стрелял в спину своему исконному недругу. Общий враг объединяет, и я удивлен, что Филарет того не ведает. – Он умолчал о случаях стрельбы по «товарищам» из-за иных причин, которые в Афгане бывали.

– Конечно, знает! Но... – возмутился Эрлан.

– Понимаю, – перебил его Рус, – зачем ломать устоявшиеся полки, если и так все идет неплохо? Но впредь – передай ему мой наказ, однако напomini, чтобы не переусердствовал. Будущее будущим, но и снижать боеготовность армии ни к чему. Все в меру. Понятно?

– Ты вспомнил свою жизнь? – внезапно спросил Фридлант.

– Кое-что, – уклончиво ответил «сын Френома» и всем видом показал, что обсуждать свою биографию не намерен.

Вавилиан продолжил доклад. Положение в стране, отношения в верхушке знати, созыв Думы. Когда дошло до создания ордена, Хранитель передал слово Эрлану, который, даже будучи царем, эту проблему не смог скинуть на подчиненных. Слишком нова она оказалась и как раз соответствовала его знаниям: Академия и долгая жизнь в «просвещенных» странах, где ордена действуют давным-давно. Вообще-то он сильно сомневался в необходимости такого заведения, без которого в Этруссии прекрасно обходились, обучаясь магии Призыва при храмах, но с Русом не поспоришь.

Не успел Эрлан приступить к докладу, как был вежливо остановлен Верховным жрецом Фрегора – столицы царства.

– Ты прости, Рус, – Фридлант смело обратился к пасынку Френома, – но я тоже недопонимаю причины создания нового учебного учреждения. Объясни. И наше рвение удесятерится.

– Хм, я удивлен... – Рус, подумав, обратился к царю: – Эрлан, ты учился в Академии и с тобой множество grossитов. И как, враждовали? Нет. А после учебы так ли ты желал навредить сокурснику, как другому grossиту?

– Ты прав, Рус, – несколько озадаченно согласился Эрлан. – С одним мы даже переписывались...

– Знаю, посланник в Тире, я с ним общался. Это одна сторона общего ордена, а другая... – Четвертичный Царь снова задумался на полстатера. Ему внимали, чуть ли не глядя в

рот. – Системы Призыва Духов в разных храмах разные. Это и плохо, и хорошо... я немного запутался. Надо собрать наставников, дающих лучших выпускников. Пусть они обсудят друг с другом их методы. Они, согласитесь, очень личные. Потом приду я, обещаю, и тоже внесу свою лепту, свой метод Призыва. Ты включен в работу, Фридлант?

Жрец кивнул.

– Докладывай, Эрлан. – Рус, посчитав свою миссию выполненной, облегченно выдохнул.

– ...поэтому пока организовываем один, при одном фрегорском храме. Уже прислали копии методов Укрощения Духов... – Услышав эти слова, Рус не выдержал, поморщился. Повисла неловкая пауза, но, так как «божий сынок» явно ждал продолжения, царь продолжил, но уже неуверенно: – Структуры из Силы Призыва прислали астральные координаты всех известных мест. Это случайно, теперь они бесполезны...

– Стоп! Как раз они-то очень полезны! Для меня. А может, и... но это после. Продолжай.

Собственно, далее пошли хозяйственный вопросы, в которые Рус не особо вникал. На всех, склонных к Призыву, одного ордена не хватит, поэтому большинство так и продолжают обучение по старинке, в храмах, однако в первую школу соберут самых способных, примерно пять сотен на курс.

Да, помимо ордена сам царь курировал еще и реформу налогообложения, с целью сделать невыгодным князьям держать личные дружины, а передавать обученных воинов на казенное содержание. Затратно, но в перспективе это резко снизит возможность новой гражданской заварушки. Мало ли причин для самодурства и помимо партий грусситов и грасситов! Рус искренне похвалил Эрлана за эту инициативу, о которой сам не догадался, и, быстро проанализировав факты, пришел к выводу, что всего за три с половиной месяца его отсутствия работа проделана колоссальная!

«И после этого Эрлан считал себя марионеткой? В корне неправ. А Филарет? За два месяца пройти огнем и мечом до незамерзающего океана! Это больше двух сотен миль на запад! Правда, много недобитков осталось, но с ними разбираются».

Рус выразил восхищение объемом выполненной работы и еще раз поблагодарил всех присутствующих и заочно командование армией. Все, включая замороженную обилием сведений Гелинию, дружно встали и с достоинством поклонились. «Божий пасынок» почувствовал неудобство. Вроде как не за что, но... приятно, черт побери!

Пообедали здесь же, на колесном столе, похожем на вчерашний. Разумеется, не употребляли. Серьезное дело – совет!

Отобедав, Рус наконец сказал главное, о чем давно чесался язык:

– Мне надо посмотреть все координаты, желательно с их привязкой к реальной карте.

– Князь... – Секретарь Горлик, поклонившись, впервые подал голос, который оказался приятным баритоном. Опытный царедворец не сомневался в титуле «Четвертичного Царя»: бывший – значит, князь. – Их две тысячи триста двадцать, многие написаны просто с названием мест, с картой их еще не соотнесли.

– Давай так, – чуть подумав, ответил Рус, – я буду смотреть, читать, а ты стоять рядом и показывать это место на карте. Идет?

– Как прикажешь, князь, но это... с учетом того, что есть координаты, уже нанесенные на карту... займет не меньше двух четвертей непрерывной работы. Мой долг – предупредить, но я готов.

– Я тоже, – сказал Рус и посмотрел на остальных. – Все... товарищи. – Слово всплыло само. Но не мог он после изнурительного и такого объединяющего совещания назвать Эрлана, Вавилиана и Фридланта «господами» или «уважаемыми» – это отдаляет. – Можете быть свободными. Я вынужден занять твою комнату, Эрлан. Вот, кстати, поведите Гелинию по дворцу, сводите в храм. Ей интересно. Правда?! – спросил с таким напором, что жена вынужденно согласилась. – Я так и знал. Нет, если хочешь, отдохни.

– Что ты, Рус, я ни капли не устала! – соврала она.

В ее голове с громким бульканьем варилась каша, однако надо поддерживать реноме мужа – божьего сына, дарки его раздери! Придется походить, повосторгаться. Тело можно легко взбодрить Силой, но голову...

Перед уходом к Русу незаметно подошел Фридлант.

– Я приготовил тебе выписки из «Божественного Завещания», – сказал он, поднимая увесистую кожаную сумку с заплочным ремнем. – Без сотворения мира, без подробного описания деяний твоего отчима... – Он определился в отношении Руса – пасынок Френома (в самую точку!), что ничуть не снижало его статус. – ...Но с основными вехами, которые знает каждый этруск. Краткая история за последнюю тысячу лет, описание традиций. Ты должен это изучить, – сказал, твердо глядя в глаза «божьему пасынку».

– Изучу, – не менее серьезно ответил тот.

Взял сумку, повесил на плечо и вдруг... сумка исчезла! Дешевые понты, но надо подкреплять веру в себя. Народ имеет свойство быстро забывать, «кто есть кто».

А сумка со свитками легла в «пространственный карман», о котором популярно рассказывал Тигран, а по-русовски – в расслоение, подсказанное Духом слияния с астралом. Слабенькая метка из Силы Геи в «кармане», на которую хватало и той Силы, которая всегда лежала в телесных каналах – аналогичная «подпись» на предмете. Слабенький волевой посыл «скрыть» – и готово! То же самое в обратном порядке: метка вещи на руке, желание «вытащить», и она в нашей реальности. Практически без затрат и незаметно для магов: ниточка Силы возникает на неуловимое мгновение, да к тому же в телесных каналах.

В расслоении давно хранились «близнецы», лук со снятой тетивой (время в «кармане» шло обычным ходом), запас стрел, вода, продукты – завернутые в упаковку с консервирующим Знаком, теплая одежда, кольчуга, шлем и легкий шатер. Весь этот НЗ весил два таланта. Теперь около трех – добавилась тяжеленная сумка с пергаментом. Впрочем, Русу было без разницы – не на себе тащить. А всего он мог спрятать пять талантов – проверял. От чего возникает это ограничение, не знал ни он, ни Духи.

Окружающие сделали вид, что так и должно быть. Одна Гелиния не удивилась, она знала о фокусе мужа. Честно пыталась научиться, но... своих Духов не имела, не являлась Говорящей¹¹, а общий астрал оставался закрытым. По этой же причине – невозможности найти нужное (да вообще любое) расслоение, не освоила и «зыбучую яму», если, конечно, умолчать о сложности самой структуры.

Рус щелкал воображаемым «фотиком» и раскладывал справочники по нужным каталогам библиотеки гораздо дольше двух вечерних четвертей. Горлик при всем своем опыте не рассчитал. Сделали два перерыва на перекус, а под конец работы в комнату зашла донельзя уставшая Гелиния, успевшая посмотреть все достопримечательности. Подождала с полчетверти, и только глубокой ночью они с Русом попали в спальню. Упрямый муж не ускорил тщательную сортировку координат, даже несмотря на навязчивые вздохи и демонстративную зевоту жены. А бедный секретарь! Он считал себя очень опытным в канцелярской работе, неутомимым, но и он поразился упорству и выносливости «пасынка Френома». Сам, хоть и являлся магом-Призывающим, добрался до спальни на ощупь, запинаясь. Уснул, падая на кровать.

«Не зря его выделил Френом... Аргост бы его разорвал... двужильного...» Уставшие мысли вяло проползли по мозговым извилинам и соскользнули в царство Морфея.

¹¹ **Говорящие** – люди, способные видеть и слышать потусторонние сущности: неупокоенные Души разных видов и Духов всевозможных форм, в том числе и френомовских Духов Стихий.

Как и вчера, завтрак супругам принесли в спальню. Сегодня Гелиния все-таки надела предложенное ей легкое шелковое «утреннее» платье. Рус сидел в плотных походных штанах, которые называл непонятным словом «брэзентухи».

– Рассказывай, – попросил он жену, наслаждаясь вкусом чая.

Да, самым натуральным, почти земным. Этот напиток крепко прижился в холодной Этрусии, и закупали его целыми караванами. В Тире чай тоже встречался, но был не так популярен.

Гелиния чуть не поперхнулась: «Вот наглец! Пока я собиралась с мыслями – опередил! За что мне это наказание, Величайшая?!» – и продолжила возмущение уже вслух:

– Я?! Это ты говори! Рассказывай о себе! Я, оказывается, ни дарка о тебе не знаю!

– Шел, споткнулся, упал. Очнулся – гипс (по-русски). Тут помню, тут не помню, – и на полном серьезе показал места на голове – где как.

– Что?! – Гелиния вскочила. – Ты меня за дурочку держишь?!

– Умная за меня бы не вышла, – подтвердил Рус.

– Да ты! Ты!!! – прокричала супруга, в сердцах разбивая свою чашку, и сразу сменила тактику. Вопреки утверждению мужа, она была умной женщиной.

Обворожительно улыбнулась, сверкнула глазками и с грацией ласковой кошечки присела мужу на колени. Аккуратно забрала из его руки чай и элегантно поставила на столик. Жидкость не шелохнулась.

«Однако!» – всплыло в голове удивленного супруга.

– Милый, – с придыханием прошептала она, – пожалуйста, удовлетвори мое любопытство. – Говоря, нежно ерошила ему волосы. – Я же должна знать, с кем живу, – это произнесла уже чуть капризно, – иначе... я буду бояться с тобой спать! – Поерзав упругими ягодицами по бедрам, слегка отстранилась и требовательно посмотрела в глаза ненаглядному, удерживая его голову руками.

Стала такой желанной и в то же время недоступно-манящей, что Рус невольно сглотнул: «Шэрон Стоун!¹² Мать моя женщина, надо почаще ее интриговать, мне это нравится! – Если честно, «Шэрон Стоун» – аванс. Сексуальность – да, была через край, но девочке явно не хватало стержневости и опыта. – И дай бог, чтобы недоставало как можно дольше!»

– Солнышко! – прошептал он. – Я хочу тебя сильнее, чем ты можешь представить в самых смелых мечтах! Иди ко мне, ненаглядная ты моя... – «дурочка» – умолчал, и Гелиния по неопытности не заметила недосказанности.

Она упрямо отстранялась, а он, поглаживая по спинке, не менее упрямо притягивал ее к себе и шептал, и шептал всякие нежные глупости. В конце концов задышал прямо в ушко, легкими прикосновениями пощипывая губами мочку с небольшой золотой сережкой.

Это был «удар ниже пояса». Опытный Рус выучил слабые места своей женушки. Гелиния чувствовала, что проигрывает, и ей все больше и больше хотелось такого «поражения», но она упрямо пыталась не сдаваться:

– Ну, Русчик, ну признайся, ты был настоящим царем... правда? Я наблюдала за тобой... – Связная речь давалась все труднее, и она предприняла последнюю попытку: – Рус, негодяй! Признавайся, а то...

Угроза так и осталась невыясненной – их уста слились. Но «негодяй» все же хрипло произнес между поцелуями:

– Я расскажу, обязательно расскажу... потом... придет время, и ты узнаешь все... верь мне, Солнышко!

В принципе скрывать свое истинное происхождение от самых близких уже не имело особого смысла, но и рассказывать... это же объясняться, отвечать на вопросы, доказывать... Некогда, есть дела поважнее. Этруск так этруск!

¹² Вовчик за несколько месяцев до «попадания» посмотрел «Основной инстинкт». Фильм ему понравился.

Во избежание испуга читательской аудитории дальнейшее описывать не стоит. И так бедным служанкам, юным дочерям благородных, но безземельных князей пришлось нелегко.

Услышав ритмичные звуки, сначала только одна заглянула в незапертую дверь («Вдруг таким необычным способом они требуют убрать столик и помочь одеться?» – оправдывала себя хоть и невинная, но сведущая в любовных делах девица). Тихо ахнула, покраснела и вернулась в коридор.

– Девочки, там такое! Лучше не смотреть! – настоятельно порекомендовала подругам и отошла в сторону, освободив доступ к приоткрытой двери. Обе следующие служанки прислушались к совету и, конечно, лично убедились в правоте подруги. Ужас! От страха тоже покраснели и почему-то глупо захихикали.

Уходили Рус с Гелинией из «совещательной комнаты». «Пасынок Френома» дал ценные указания, предупредил, что месяца через два-три вернется, явится в алтарный зал Главного Фрегорского храма. Надо поддерживать реноме, Фридлант не одобрил его нынешнее нежелание показаться народу. Рус бы показался, но торопился – скоро очередная заброска в пятно, а надо заглянуть в одно интересное его место.

– Так и не скажешь, куда идете? – поинтересовался Эрлан.

– Увы, не могу, – с сожалением сказал «пасынок», обращаясь к Фридланту с Вавилианом. Горелика на проводы не пригласили.

Рус не выдержал и сердечно обнял каждого, а Эрлану прошептал:

– К океану иду, в Кушинар. Для Гелинии это сюрприз.

– Там еще беспокойно. – Царь счел своим долгом предупредить и досадливо подумал: «Мог бы депеши захватить». И словно услышал ответ Руса: «Ага, может, тебе еще и ответ притащить? Может, вовсе гонцом устроиться?» Хотя бумаги для этрусского посланника в Тире взял. Причем по собственной инициативе: «Все равно с оказией, давай отвезу». Вот и пойми его. – Готовь бумагу о передаче Кушинара мне в вотчину, в вечную аренду. Не дело выделяться из остальных князей. – Добавил и, не дослушав ответа, отстранился.

Обхватил Гелинию, которая, улыбаясь, махала на прощание, и они провалились в желтый круг.

– Мы стали соратниками, – произнес вдруг старый, выдавший виды Вавилиан спустя несколько молчаливых мгновений после ухода «пасынка Френома», – как в «Божественном Завещании». Только «товарищи» более точно. Он все-таки сын, а не сам Френом.

– Он останется в Этруссии, запросил вотчину в Кушинаре... – не стал скрывать царь.

Верховный жрец промолчал, но подумал: «В этих серых плащах с капюшонами они похожи на жрецов». Эта мысль приятно грела, несмотря на то что женщин-жрецов Френома попросту не существовало.

Эрлан позвонил колокольчиком. Вошел секретарь.

Пора приступать к работе в свете распоряжений высшего начальства. Нелегка царская доля...

Глава 4

Авантюра – она и в Африке авантюра. Сколько лет тем координатам, куда отправились Рус с Гелинией, не знал никто. Может, четыреста (когда этруски освоили Звездные тропы), а может, и пять лет. Скорее, лет сто, потому как молодожены выпрыгнули в густых зарослях сорняковых осин на месте больших полусгнивших пней корабельных сосен. Не в городе, как надеялся Рус, поверив наскоро сляпанной карте.

Ругнувшись, объяснил жене о сюрпризе для нее и, выслушивая язвительные замечания, пошел к дороге, направление на которую разглядел, сам не поняв, каким способом. Как бы унюхал, что ли. Опасность, по крайней мере обращенная лично на них, не определялась, однако продвигались со всей осторожностью: слишком часто это пресловутое «звериное чувство опасности» его подводило.

Путь очищал короткими воздействиями Духа слияния со смертью, превращая заросли из тонких деревьев и цепких кустарников в прах. (Походя сделал настоящий жреческий посох. Духи высушили, отшлифовали и состарили прямой ствол молодой осинки, а из комля вырезали натуральное круглое навершие.) Прошагали по серой тропинке как по лужайке и всего за два статера вышли на наезженную, укрепленную утрамбованным грунтом дорогу. Добрались быстро: жена не успела исчерпать все свое красноречие.

«Нет худа без добра, – жизнерадостно думал Рус, не обращая внимания на словесные издевательства Гелинии. – Посоха мне как раз и не хватало. Теперь я в натуре жрец, соответствующую виду...» Ну, неохота ему было одеваться в кольчугу, вешать «близнецы» (именно так описывала его народная молва) и так далее. В плаще было гораздо удобнее.

– Нам туда. – Взойдя на грунтовку, Рус торжественно показал направление. – Нас ждут великие дела, мой верный Санчо Панса!

– Чего?! – От неожиданности Гелиния заткнулась. А только-только подобрала очередное ругательство.

«К дворцу он повел, видите ли, к нашему семейному гнездышку на берегу океана! Сюрприз, дарки бы его порвали! Вымазалась вся, как рабыня после сбора кизяка!.. Дарки, еще и по дороге пешком идти придется?! Ну, дорогой, как я тебя еще не называла?.. Какой Панса?..»

Вместо объяснения муж при помощи Духов воды и ветра быстро очистил их одежды, руки и лица. Кожу приятно пощипало.

– Неужели ты не чувствуешь пьянящий запах близкого моря, не слышишь крики голодных чаек? Неужели тебя не восторгают крики: «Пиастры!», «Полундра!», «Эй, на фок-рее¹³!». Или дикий возглас «Пираты!», что еще романтичнее, – возвышенно говорил Рус, заканчивая чистку.

– Перестань шутить! – обиделась Гелиния. – Обещал дворец, а привел в какие-то заросли! Сюрприз! – язвительно передразнила неизвестно который раз и вдруг успокоилась. И согласилась: – Да, Русчик, морем пахнет. Но до города еще идти и идти. Пешком, – сказала, горестно вздыхая.

– Эх, Гел! Если бы я знал, что в тебе нет ни капли воображения!.. – От хорошего настроения Рус продолжил издевку. «Последняя», – решил для себя.

– То – что?! – возмущенно переспросила Гелиния.

– Идем, Санчо, нечего терять время, – не удержался, еще разок пошутил (но теперь стопудово – в последний раз!). – Тучи какие-то нехорошие, дождь напрашивается.

– Идем, мудрец ты мой. – С этими словами взяла его под руку и потянула по дороге. Вроде привыкла к его непонятным глупым выражениям, а все равно попадалась. «Все, хватит.

¹³ **Фок-рея** – Рус ошибся, такого элемента на парусных кораблях нет. Есть фок-мачта, с ней и перепутал.

Больше я на твои остроты не прореагирую!» – пообещала сама себе. Не в первый раз, кстати. – А дождь нам не помеха – мы же в плащах. Если только сильно припустит, то ты, – пихнула «гадкого мужа» локтем в бок, – создашь тент!

Заявила абсолютно безапелляционно. Название структуры прозвучало по-русски.

Тент – русовская вариация сухого шатра из арсенала Хранящих. Из новых он по случаю придумал только эту простенькую структуру в виде купола над головами. Вышло бы и много других, но некогда было заниматься разной мелочовкой, которая в большинстве своем уже была реализована старыми, немногим более сложными структурами. И без них дел навалилось выше крыши: Пиренгул поверил и не слезает с забросок в Кальварион; много непрочитанного оставалось в библиотеке ордена; необходимо походить к алхимикам и главное – надо переделывать обтекатель, чему в местной магии аналогов вовсе не существовало.

Опасность, как водится, почуялась вдруг. Шагах в пятидесяти по ходу движения скрывались неизвестно кто. Рус оскалился, включив «зверя» на полную мощность, но цели не подсветились – тщательно прятались. Вот когда он остро пожалел о недоступности общего астрала.

– Впереди засада, – предупредил Гелинию, – идем как ни в чем не бывало, но готовь «пыльную стену».

Девушка серьезно кивнула. С Русом она ни дарка не боялась, но и просто балластом быть не желала. Идя в Этрусию, пообещала, что будет слушаться четко и без вопросов. Прикажет лечь голой в снег – ляжет, скажет обнаженной станцевать на столе перед толпой оборванцев – спляшет! «Дубины», «кубы» и «пыльная стена» – и говорить нечего, исполнит с максимальной скоростью.

А Рус взял с собой супругу только из-за одного: он довел время создания «зыбучей ямы» до пяти секунд и мог, при помощи Каменного Духа, поддерживать ее в астрале целых четыре статера, совершенно не отвлекаясь от работы с иными структурами. Пять ударов сердца точно продержится, защитит жену, а далее по обстоятельствам. Главное – можно смыться в любой момент.

Трое разбойников вышли на дорогу ровно через пятьдесят шагов, когда неведомая опасность нависла четко с флангов. Она странным образом не усилилась, да и разбойники больше походили не на классических «джентльменов удачи», а на поизносившихся в лесах воинов-кочевников. Впрочем, как поговаривает мудрый народ, хрен редьки не слаще.

– Приветствую вас, жрецы, – вежливо поздоровался молодой воин. Он, несомненно, являлся главным. По крайней мере, в их троице. Носил аккуратно подстриженную бородку и был одет в тщательно заштопанный кожаный доспех, обшитый на груди и плечах металлическими пластинами с символами оскаленного хищника из семейства кошачьих, в которых прослеживались остатки Знаков, принадлежащих трудно определяемой Силе. Его спутники выглядели более потрепанным, но в них чувствовался воинский опыт гораздо больший, чем у молодого лидера. Оружие – у всех одинаковое: кавалерийские сабли покоились в ножнах, круглые щиты висели за спинами. Явная демонстрация мирных намерений.

– Я не склонный к Силе, – продолжал меж тем вождь (так окрестил его Рус), – поэтому не могу понять, каким богам вы служите, не примите это за неуважение. – Его телохранители при этих словах презрительно скривились. Они явно не жаловали любых жрецов. – Но позвольте узнать одно: не встречали ли вы воинских подразделений этрусков?

– О, юный вождь! – нараспев, подражая самым фанатичным жрецам, заговорил Рус. – Мы имеем честь служить богине Гее, идем с юной жрицей в славный город Кушинар и имеем намерение нести местным жителям свет веры в Величайшую! – И прозаично добавил: – Говорят, этруски не преследуют жрецов традиционных богов, в коих веруют в «просвещенных» странах.

Гелинию коробило от вранья мужа. Выдать себя за жрецов, причем подтвердив это словами, – великая наглость.

«Хвала Величайшей, хоть не поклялся! Но она и на эту ложь может обидеться... Прости его, Величайшая! Ну такой уж у него характер, прости ради нашей любви, ты же помогала нам!» – боялась, молилась, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Кстати, она до сих пор не знала, что ее муж играл «роль бога», думала, что во время «Ссоры Богов» Гея все устроила сама и бескорыстно подарила ей супруга – из-за их большой любви.

А Рус продолжал разглагольствовать:

– Два месяца мы в пути, с тех пор как варвары пошли на варварские земли... простите, уважаемые, не хотел вас обидеть. – И с достоинством, но уважительно поклонился молодому. – Как зовут твой род, который ты волею богов возглавил в столь юном возрасте?

Молодой порывался было ответить, но его остановил опытный воин:

– Ты так и не ответил, жрец, – по-гелински он говорил с чудовищным акцентом, и глаза его злобно сверкали, – видел этрусские разъезды? Как далеко, где?

– И почему вы подозрительно чистые? – прохрипел второй воин, с еще большим акцентом. – Будто только что из купальни! И на плащи посмотри, – сказал, обращаясь к «вождю», – они как новенькие! Не шли они два месяца...

– А где ваши дорожные котомки? – Подозрительность наконец обуяла и самого вождя, и он, зыркнув исподлобья, поднял левую руку, правой взявшись за рукоять сабли. Градус опасности резко подскочил, и Русу «подсветились» восемь целей, по четыре с обеих сторон дороги – лучники вышли из-за деревьев.

«Ловко спрятались!» – восхитился новоявленный жрец Величайшей Геи.

– Не горячитесь, славные воины! – воскликнул Рус, воздев руки. – Величайшая дала нам Силу чиститься и умыться! Смотрите, недоверчивые язычники! Я медленно опускаю посох, клянусь Геей, это просто структура очищения – она не навредит вам!

Во время опускания посоха он быстро (в экстремальных ситуациях его мысли летали со скоростью молнии) собрал в астрале пылесос из нитей Силы: вентилятор, шланг, фильтр, аккумулятор. «Заработает, куда он денется!» – уверил себя и вытолкнул это произведение в реальный мир, направив на второго телохранителя. Тот показался менее нервным.

Не поверить клятве богиней не могли жители любой страны. Ни вождь, ни его телохранители исключением не оказались. Молодой воин так и застыл, не дав отмашку лучникам, и с удивлением взирая, как из его товарища вылетела практически вековая пыль и исчезла. Тот тоже замер, открыв рот. Его всклоченные волосы и борода смотрелись весьма потешно, а одежда и лицо буквально сверкали чистотой. Только молодому вождю, ставшему таковым буквально полдекады назад, после того как лично закрыл глаза умершему от страшных ран отцу, было не до смеха.

Станный жрец обратился к нему:

– А ты, вождь, не желаешь почиститься? – На наверху посоха продолжала светиться небольшая тускло-желтая совершенно неопасная на вид структура.

Но молодому не дали ответить, его закрыл собой телохранитель и гаркнул:

– Тарик, брат, ты в порядке?!

Наречие Русу было незнакомо, но эмоции различались прекрасно. В данный момент в них преобладали удивление и беспокойство.

Брат ответил с небольшой заминкой:

– Вроде... да... да! Я две декады таким чистым не был! Да, в порядке. Отлично себя чувствую! – И добавил после небольшой паузы: – Жрецы почему зря не клянутся...

– Меня, жрец, почисти... – И Фарик, первый телохранитель, задохнулся от налетевшего ветра. Нет, не ветра. Структура тянула пыль и грязь неизвестно как, а воздух, будто прилипнув, шел за мельчайшими частицами.

Опомнившись, воин остановил «умывание».

– Хватит, жрец! – крикнул он по-гелински, сверкая, как начищенный казан. – Вождя не надо, он и так чистый.

Служитель Геи в знак согласия слегка склонил голову, и его посох перестал светиться.

– Но я хочу! – возмутился вождь и... опустил руку.

Следующие действия пролетели так быстро, что Аграник, волею Предков ставший главой небольшого рода Пангирров, потом с трудом вспоминал последовательность тех событий.

Стрелы пролетели над жрецами, которые за доли мгновения до выстрелов упали на землю. Потом жрецы каким-то образом очутились между ним и кузенами, причем он готов был поклясться, что жрица, тащимая служителем Геи за талию, буквально летела по воздуху. Далее все пятеро взмыли вверх на идеально круглом пятачке дороги размером не больше двух шагов. В следующее мгновение Аграник уже опасно балансировал на самом краю этого островка, поддерживаемый жрецом за ворот. Сами же служители культа окутались единой светло-желтой пленкой, которую горячий Фарик, опасно шатаясь на обрыве скалы – а островок оказался верхушкой каменного столба высотой не менее двадцати локтей, – упрямо пытался пробить кинжалом. Бесполезно. Более того, пленка словно выросла в землю, и скинуть жрецов не представлялось возможным. А вот они-то как раз запросто могли свалить своих противников.

– Эй, варвары! – кричал жрец. – Если хотите видеть вашего вождя живым – выходите все! Обещаю, мы не тронем ни его, ни его... старших товарищей, если вы не станете трогать нас!

Лучники не стреляли, боясь задеть своих, да и желтую пленку, «пыльную стену», видели все.

«Молодец, Гелька, сама сообразила! Главное, вовремя, хвалю! И Силу льешь помалу, сколько надо. Растешь, девочка...» – с гордостью думал Рус, ожидая ответа. Странно, но страха он не испытывал. Ни за себя, ни за супругу.

– И вас не тронем, обещаю! Только если первыми нападете. Этот выстрел я вам прощаю! – продолжил увещевать Рус и вдруг обратился к самому вождю: – А ты чего молчишь! Мы на вас нападали?! Нет! Ты первый начал! Обратись к своим воинам, – и при этом улыбнулся.

От этой улыбки, точнее, звериного оскала засосало под ложечкой, и Аграник вышел из ступора. Глянул на жреца еще раз – улыбка показалась самой обычной, умиротворяющей. Посмотрел на опасно шатающихся кузенов, которых удерживала жрица (капюшон спал, волосы расплелись, и она оказалась красивой голубоглазой девушкой), и решился:

– Всем лучникам выйти на дорогу!

Никто не выходил.

– Это мой приказ! – закричал он, разозлившись не на шутку. – Выйти тем, кто имеет луки. – При этом победно покосился на служителя богини. Орал по-гелински специально для него, чтобы понимал, мол, без обмана, и все равно догадался поступить по-своему: не всем приказывал выйти, а только лучникам! Жрец согласно, даже вроде как ободряюще кивнул. – Выходите с оружием и кладите на землю. Ни вас, ни меня не тронут, жрец обещал – это практически клятва!

Жители всех земель прекрасно понимали – часто вмешивать богов или Предков ни к чему, особенно в такой ситуации, когда точную формулировку не подберешь. Обещание – тоже сила.

Слава Предкам, вождя послушались. Один за другим на дорогу выходили хмурые воины, еще более потрепанные, чем кузены вождя. Многие были перевязаны пропитанными кровью тряпками. Клади на дорогу луки, ножи (сами догадались) и, о чем-то переговариваясь, задирали головы посмотреть на начальство.

– Все, жрец, пятнадцать луков у нас, все здесь, – гордо произнес вождь. – Подсчитай.

Рус давно подсчитал. Поверил, не требуя клятвы, и опустил «земляной горб».

Да, он сотворил обычное ученическое «вспучивание» земли, только добавил в структуру толику Воли и чуть больше Силы, просто представив не большую кочку-горб, а именно

скальный столб. Как известно, при создании структуры маг обязан постоянно держать в голове «готовый результат» с желанием его реализовать – это и есть Воля мага, которая и воплощается в реальность, если не противоречит Воле бога – владельца Силы. Собственно, затем и нужны структуры – различные повороты, скручивания, заикливания потоков Сил – для согласования желания заклинателя с Законом бога, то бишь с его Волей. В данном случае хотение Руса не противоречило уложениям Геи, иначе получился бы простой учебный «горб». Конечно, у другого мага школьная структура так легко не трансформировалась бы в «большой подъем», используемый Хранящими ранга не ниже мастеров, но это другая история.

Опустившись на землю, Рус на всякий случай прикрылся спиной вождя. «Пыльная стена» добавляла цепкости и силы хвату, поэтому Аграник морщился от боли.

«Молодчина Гелиния, без приказа «стену» не снимаешь, хвалю...» – подумал, решительно откинув подленькую мыслишку сделать «пулемет» и перестрелять всех к чертям собачьим. Ранее не делал его, потому как стрелять по густому лесу не очень эффективно, вернее, это вовсе бездарная трата Силы и времени. Ну, может, запугает бедняг. Он и «яму» сделал, да развеял, опасаясь наличия у отряда шаманов, которые непременно увидят у жреца Геи подозрительного Духа. Вся конспирация полетит тогда коту под хвост! А Каменный Дух нужен непременно, иначе при создании другой структуры слетит «зыбучая яма». Сейчас «друзья» сидели в своем любимом расслоении, и версия «жрец Геи» была непоколебима. И женщины ей тоже служили жрецами, хотя эти кочевники, с трудом понимающие гелинский, вряд ли об этом знали.

Кое-кто из вышедших воинов удивленно косился на то место, где только что стояла скала. Теперь от нее и следа не осталось. Рус решил воспользоваться этим впечатлением и стал «ковать железо, не отходя от кассы»:

– Доблестные воины! – Из-за «пыльной стены» приходилось орать, она приглушала звуки. – Этруски выгнали вас с ваших кочевий, их много, они – си...

И тут его речь прервал истошный женский крик:

– Аграник!!! Аграник!!!

Вождь дернулся, но не смог вырваться из цепких лап коварного «жреца», зато прокричал в ответ:

– Влада! Со мной все в порядке, любимая, не выходи... – Последние слова поникли, так как из леса выскочила растрепанная девушка... этруска.

Если Рус от удивления не открыл рот, то это только из-за железного самообладания. А вот Гелиния на несколько мгновений оторопела – «стена» пошла волнами, но, хвала богам, осталась в прежнем виде – девушка смогла взять себя в руки. Ох и огребла бы тогда насмешек со стороны законной половины!

Рослая красавица (на пару пальцев выше высокого, по меркам кочевников, воина, мимо которого пробегала), не пытаясь выхватить кинжал, упала на колени перед вождем и со слезами обхватила его... ну, чуть выше ног.

– Аграник, Аграник, – приговаривала она, и Рус не выдержал напора нежностей – отпустил командира отряда.

Тот тоже упал на колени и обнял свою девушку, успокаивающе приговаривая:

– Все хорошо, Влада, милая, это была ошибка, я случайно опустил руку... – При этом похлопывал и поглаживал... Жену?

Кто-то из воинов смотрел на эту сцену безразлично, двое презрительно отвернулись, а некоторые медленно потянулись за лежащими у их ног луками.

– Стоять! – крикнул Рус, сурово глядя на «нарушителей конвенции». Они поспешили выпрямиться. – Ты, – показал пальцем на Фарика, – подойди ко мне, объясни, кто эта девица из племени этрусков. – Одновременно с началом любовной сцены он ощутил, как давящее чувство опасности постепенно сошло на нет.

«Кажется, отвоевались», – подумал и обернулся к Гелинии. Хотел приказать ей снять «пыльную стену», но... В общем, приказал, только не сразу. Чуть-чуть полюбовался, как в правом глазу верной супружницы застыла предательская слеза умиления.

Без «стены» звуки обрели должное звучание, и Рус вынужденно приказал практически орущему Фариду: «Говори тише, я хорошо слышу».

– ...жена она ему, перед Предками обвенчаны, все по чести, – пояснил телохранитель, зауважавший после случившего всех жрецов разом и конкретно этого в частности.

– То есть, – тут внезапно вступила Гелиния, – вы захватили ее в полон, хотели сделать рабыней-наложницей...

Кочевник спокойно кивал на все ее утверждения. Он плохо понимал по-гелински, а то бы уловил в словах жрицы изрядную долю едкого сарказма. – Аграник выступил против отца, отдал всех своих борков, баранов и рабов, все сбережения и выкупил ее?

Снова кивок недоумевающего Фарика: «Чего непонятного? Плохо языком, что ли, владею? Нет, жрец понял...»

– А вы у нее согласия спросили?! Она хотела становиться наложницей?!

– А кто об этом спрашивает? – удивился все еще не понимающий сути возмущения женщины Фарик.

– Гелиния! Успокойся, вспомни, кто ты есть, – строго произнес Рус, нажимая на слово «ТЫ».

Кочевники поняли этот окрик как наставление старшего жреца – младшему собрату, то есть сестре, а жрица вспомнила, что она – сарматка, та же кочевница. Вспомнила и устыдилась своей слабости. Сарматские обычаи тоже не отличались мягкостью: никто бы не поинтересовался желанием рабыни становиться наложницей.

«Блин, – досадливо подумал Рус, – «Рабыня Изаура» и сюда добралась, и здесь бабы на нее нападают. Надо прекращать это безобразие».

– Аграник! – скомандовал он. – Отставить нежности! Ты воин или кто?!

Вождь вскочил. За ним поднялась и Влада, оказавшаяся на полголовы выше мужа. Она скромно встала за его спиной.

– Зови весь отряд, речь держать буду. Не бойся, всех спасу, кто хочет спастись. Вы – воины, а не разбойники. Начудить не успели? В смысле купцов не грабили, безоружных не били?

– Я – не боюсь! – гордо заявил вождь рода Пангирров. – Но я отвечаю за своих людей! Не грабили мы никого! Да и откуда сейчас купцы? Все по домам сидят.

– Зови. Бабы с ребятней пусть тоже не боятся, отвечаю...

Аграник подумал, что перед богиней, а Рус не уточнил.

На вырубленной вдоль дороги десятишаговой зоне разместилась примерно сотня человек, в основном женщины и дети. Мужчин, включая стариков, насчитывалось всего два с половиной десятка, трое из них – шаманы. Последние стояли возле самой кромки леса: два относительно молодых, чернобородых и один седой как лунь, с длинной бородой, чуть ли не заправленной в пояс. У всех троих – рунные посохи с набалдашниками из черепа большой кошки и недобрые недоверчивые взгляды.

– Народ... – Рус покосился на вождя и дождался подсказки, почему-то с указанием на рисунок кошки на одной из грудных пластин. – ...Пангирров! Не надоело вам шататься по лесам, голодать и бояться каждой мыши?

Мужские голоса недовольно загомонили. Шаманы молчали.

«Только бы от них хлопот не было, не допусти, Величайшая!» – взмолился Рус. Незнание ими языка отринул сразу. Кто, если не они, самые грамотные?

– Этруски сегодня оказались сильнее, – продолжал жрец. – Вам предстоит выбирать: либо погибнуть всем, и тогда Пангирры совсем исчезнут с лица земли (он уже узнал, что их род насчитывал всего одну кочевую стоянку и что они – наследники некогда многочисленного племени, перебитого другими родами задолго до этрусков), либо остаться жить с надеждой на возрождение! Выбирайте, гордый народ Пангирров! – Не давая долго рассуждать, хитрый Рус продолжил, перекрывая выкрики на непонятном языке: – Выход один – принять посвящение Гее! Тогда этруски вас не тронут, и вы снова сможете спокойно кочевать! Конечно, о набегах придется забыть...

– Как забыть и своих Предков! – сильным голосом перебил его старый шаман. Говорил на чистом гелинском: – Забыть их заветы, отринуть законы, не взывать к их Душам! – С этими словами стукнул посохом по ярко-зеленой весенней траве и принялся гладить череп зверя, что-то шепча. Этим же занялись и его напарники. На Руса повеяло прибывающей Силой из «мира Предков».

Он вспомнил мощь Озгула и стал лихорадочно соображать, как, не показывая своих Духов и не прибывая шаманов – народ не поймет, – одержать убедительную победу.

– Остановитесь! – приказал своим подчиненным Аграник, но они его не слушали.

Тарик и Фарик потянулись было к ближайшим воинам за луками, но передумали; решили подождать исхода неизбежного противостояния жрецов и шаманов. Они лишь плотнее придвинулись к своему вождю и ловко перехватили щиты со спины, сразу вдев руки в ременные петли. То же самое, досадно плюнув, сделал и сам Аграник, а люди поспешили убраться с пути между жрецами и шаманами.

Жизни последних спас частый цокот копыт. Все замерли, а через десять томительных сердечных ударов, за которые Рус успел наполовину собрать «пулемет», а Гелиния полностью подготовила «пыльную стену», к вождю подскочил всадник – мальчишка лет десяти.

– Вождь! – срывающимся голосом закричал он. – Этруски, много этрусков скачут сюда! Оттуда, – и показал направление, противоположное Кушинару. – Будут здесь через треть чет-верти, если не меньше! – И только после этих слов с удивлением уставился на жреца со жрицей.

Рус не понял ни слова, кроме «этруск». Однако, дабы избежать лишних вопросов, например, как они миновали этот дальний дозор, напористо обратился к вождю:

– Пора, Аграник, выбирай. На тебе ответственность за весь народ, за жизнь всех женщин, в том числе и Влады – она тебя ни за что не бросит!

– У-у-у... – зарычал вождь, зло глядя на своих шаманов, замерших, услышав сообщение мальчишки. Перевел злой взор на жреца. Влада успокаивающе гладила мужа по руке, и по ней было видно – примет любое решение. А Рус за время его метаний достроил «пулемет». – Мы принимаем посвящение Гее! – выдал, практически выплюнул Аграник, и народ облегченно вздохнул. Кроме... понятно кого – шаманов.

Троица с посохами презрительно развернулась и скрылась в лесу. Хвала богам, не прокляли. Может, просто не успели. За ними, немного помешкав, побежали пятеро воинов, а уже вслед за ними четыре женщины и пять-шесть детишек обоего пола.

На ладони Руса возникла тонкостенная медная чашка из походного набора, к счастью, с вычеканенным на ней образом Геи. Он не специально подбирал, просто засовывал в расслоение наиболее добротную небьющуюся посуду. Хотел серебряную, но отказался из-за веса. На рисунки внимания не обращал и вдруг – Гея. Как по заказу!

– Ах! – раздался общий восторженный возглас, и Рус счел своим долгом усилить эффект:

– Величайшая сильна, она всегда присылает походный алтарь всем желающим принять посвящение! – а сам мысленно молился: «Ты прости меня, Величайшая! Да, я нагло присвоил себе звание твоего жреца, да и чаша не золотая, и я из нее уже не раз пил, но она чистая, я всегда мою посуду! И профиль на ней твой, видишь, как удачно... О чем это я! Это все тлен,

главное – вера! Я верю в тебя, Величайшая Гея, прошу, прими посвящение этих несчастных душ тебе! Я постараюсь все сделать правильно. Ты слышишь меня, я знаю это и верю – ты на стороне этих людей. Я просто исполню роль твоего проводника. Нет, не сыграю, на полном серьезе. Прости, если что не так, Величайшая!»

Гея не соизволила ответить, но тучи, до этого грозящие вот-вот пролиться неслабым дождем, как-то быстро рассеялись, и на чистом лазурном небе засверкало яркое, по-весеннему ласковое солнце.

Из желающих выстроилась очередь. После явления походного алтаря и быстрого разгона облаков все сомнения развеялись. Вместо иглы Рус использовал золотую заколку, полученную от Гелинии. Нараспев читал молитву, вспомнив ее дословно, колол палец новопосвященному адепту, капля крови бесследно исчезала в медной чашке, и в ауре человека появлялся едва заметный песочно-желтый оттенок в области сердца. Раньше, когда было доступно астральное тело, он, да и большинство других магов, не обратили бы на это пятнышко никакого внимания. Теперь приходится следить только за аурой. Хвала богам, Рус не посвятился Френому, а то шаманы легко бы его вычислили, и неизвестно, как бы все повернулось. Ауру не скроешь. Впрочем, он еще не пробовал.

Пангирры прятали целый табун единорогов. Умные животные спокойно ждали в лесу сигнала. Рус вскочил на белого в мелкое яблочко и поскакал навстречу этрусскому отряду. Не дело, если кочевники узнают, кто он, неудобно получится. Гелинии наказал действовать от имени Эрлана Первого и не стесняться. Она вместе с родом медленно поехала в сторону города, на ходу уча новопосвященных молитвам и другим обрядам, и охраняли ее не хуже, чем Аграника. Осталась единственная не посвященная Гее – Влада, но этрусков всех сватают Френому с самого младенчества.

Опасался ли Рус отпускать жену с малознакомыми кочевниками? Несомненно! Но он точно знал, что адепты-неофиты ни за что не тронут свою жрицу, даже если бы ненавидели ее лютой ненавистью. Тем более – в первый день посвящения. Волосок с ее головы не упадет – к прорицательнице не ходи!

Дозорную пятерку этрусков Рус встретил в кольчуге и с «близнецами». Его узнали практически сразу и, выделив одного воина сопровождения, поскакали дальше, по совету Руса Четвертого значительно снизив скорость.

Сухая встреча с недоверчивым командиром, сотником Триголантом, неожиданно разбилась радостным выкриком откуда-то из центра колонны:

– Принц! – Бас почти физически придавил этрусков. – Рус!!! – И вскоре, ломая строй, на оперативный простор вырвался здоровенный воин, даже по сравнению с немаленькими сорочичами, и галопом поскакал к месту встречи командования с «божьим сыном».

– Радан! – обрадовался Рус. Сам себе не верил, что эта встреча так приятно заденет сердце.

Простодушный богатырь смял бывшего принца до треска костей.

– Раздавишь, – прохрипел Рус, и только тогда великан его отпустил.

Сотник, недовольно вздохнув, объявил неурочный привал, и товарищи присели на травку. На Руса полился поток самых разных сведений. Незаметно появилось легкое вино и незатейливая снедь, а воины, как бы невзначай, норовили пройти по важным привальным делам непременно рядом с этой парочкой и поближе глянуть на «сына Френома» (а некоторые утверждали, что и «Самого»). Выносили заключение: «Мелковат». Кто с грустью, кто восторженно, кто со злорадством, кто с разочарованием – и это еще не полный набор чувств, которые Рус замечал на себе. Но особо прислушиваться к ощущениям было некогда: Радан не давал.

Выслушал приветы от Линды, принял огромную благодарность за сыновей, погоревал о потерях. Погибли Ростичар и невезучий, уже попадавший под пламя мага-Пылающего Вроцлант.

– Может, еще кто пирует в чертогах Френома, но узнал только о них, – грустно закончил Радан. – А ты как, принц, ой, прости...

– Ничего, Радан, зови меня Русом, для тебя это просто! – тем самым закончил его неуклюжие метания с обращением к старому товарищу, «с которым на бергата ходил». Кстати, эту историю знала вся сотня и тихо посмеивалась. Теперь убедились – зря.

– Действительно, – согласился майор, – ты уже не царь, а мы давно знакомы.

Как для этого большого простодушного человека все просто! Немногим более трех месяцев – давно!

– Точно, Рус! Не князем же тебя звать? А по божественной части я не разбираюсь, не обессудь...

В беседе с простоватым майором лесного уезда хитрый «пасынок бога» ушел от разговоров о себе, пообещав только, что в городе познакомит с женой-красавицей.

Слово за слово, время пролетело незаметно, и скоро скомандовали выдвижение. Рус занял место в десятке Радана. Тот дослужился до десятника – этим званием похвастался первым делом. Сотник, конечно, предлагал поехать рядом с ним, но Четвертичный Царь отказался.

Менее чем через две дневные четверти отряд въехал в город Кушинар.

Глава 5

Город Руса поразил. Он впервые в этом мире встретил регулярную плановую застройку. Был бы более образован, то сказал бы о линейной структуре. Это когда вдоль побережья, параллельно друг другу, идут длинные широкие проспекты, пересекаемые под идеально прямым углом чуть более узкими короткими улицами, которые конкретно в Кушинаре упирались в порт, растянутый вдоль всего города. Бухта, такая как в Ольвии, здесь отсутствовала. Зато имелась выступающая в море длинная подковообразная скальная гряда, служащая отличным волноломом и защитой от сильных океанских штормов, а высокий маяк на ней – прекрасным ориентиром.

«И такой город в «просвещенных» странах считается варварским?!» – мысленно возмутился он. А дело в том, что кушинги признавали только богов моря – Гида, ветра – Эйя и тьмы – Эра¹⁴. А еще как выходцы из кочевого племени не забывали и Души Предков.

Невысокая каменная стена, окружающая большой город (то есть все княжество Кушинар), служила скорее для порядка, чем реально защищала от набегов. Князья торговцев давным-давно заключили с кочевниками взаимовыгодное соглашение, и последнее нападение на город случилось лет триста назад.

Тогда племя грабителей недолго радовалось богатым трофеям. Их же «добрые соседи» забыли прежнюю дружбу и стали гонять отступников по всей степи. Прошел год или два и название того племени кануло в реку забвения. Не иначе клятва поспособствовала. Память Предков – не шутка.

Но договор договором, хоть и связанный клятвой Памяти Предков, а хитрые купцы старались не выделяться, всеми возможными способами подчеркивали бедность княжества. Добротные дома строили не выше трех этажей, храмы – совершенно без серебряно-золотого убранства и даже канализацию провели поверхностную, по открытым каналам вдоль периферийных улиц, а вполне могли устроить подземную. Незачем вызывать зависть у беспокойных соседей.

Рус специально, чтобы осмотреть город, попросил проводника, который вел их с Гелинией к княжескому дворцу: «Давай, уважаемый, помедленней и не по одной улице. Посворачиваем на другие. Хорошо?» Ехал и не мог налюбоваться постройками и планировкой, так похожей на старый Питер. Если судить по телепередачам – в самой культурной столице ему побывать не довелось.

– Там невольничий рынок, – пояснял мужчина средних лет, гарцуя на красивом, но глупом единороге, который с трудом терпел требование хозяина идти шагом. – Пока он, как и остальные рынки, закрыт... Не скажешь, господин князь, надолго? – при этом делал вид, что ему это совершенно безразлично.

Проводник выглядел как типичный состоятельный кушинг: небольшой животик и аккуратная бородка без усов. Если бы курил трубку, то напомнил бы Русу морского волка из детских воспоминаний, эдакого шкипера. Одевался сей богатый муж тоже типично-неброско: темные штаны, темная куртка, темная шляпа с полями. Достаток подчеркивал только богатый пояс-кушак, вышитый золотом с вкраплением драгоценных камней. Да еще, пожалуй, материальчик, из которого и была пошита эта «неброскость», – дорогушее сукно (северная весна прохладна) с «седлом» на штанах и «заплатами» на локтях из тонко выделанной замши коричневого цвета. Кинжал и короткая сабля в изящных ножнах – само собой.

¹⁴ Боги Гид, Эй и Эр соответствуют общеяганским Гидросу, Эолу и Эребусу. Конечно, путешественники-кушинги чувствовали идентичность Сил «своих» и «чужих» богов, но упрямо держались за «собственных» и не стремились поправлять имена. Эти, по сути, варварские сокращения содержали сакральные части божественных имен, поэтому боги откликались на молитвы и давали Силу.

– Я, господин Рид, не собираюсь вмешиваться в торговлю, – этими словами он вызвал у проводника довольный блеск в глазах, который сразу сменился на тусклое разочарование при следующих словах, – но невольничий рынок будет закрыт навсегда. Да, уважаемый Рид, я не шучу. У нас, у этрусков, рабство не приветствуется. Так что перепрофилируете то место с выгодным расположением.

– Но... господин князь... – Купец, видя спокойное настроение нового главы города-государства, решился возразить. – А кто у вас занимается грязными работами, недостойными таких великих воинов, как вы?

– Мне приятна твоя лесть, уважаемый, но для нас, «великих воинов», – чуточку поддразнил он проводника, – нет недостойных работ... А вот скажи честно, – продолжил Рус после секундной задумчивости, – вам, живущим на севере, когда до ближайших населенных земель тысячи миль... если я не ошибаюсь, к югу приходится обходить пустынный полуостров, так ведь?

– О! Князь великий географ! – Раздосадованный купец не удержался от шпильки, прикрытой грубой лезтью.

– Просто взглянул на карту, – ответил Рус, пропустив укол мимо ушей. – Рабов надо поить, кормить, полностью загружать трюм – иначе совсем не выгодно. Одни расходы, я прав?

– Зато есть высокий спрос и... мы дань платили наполовину рабами! Выгодно, господин князь, все издержки окупаются...

– Окупались, – поправил его Рус. – Теперь спроса не будет, это я тебе гарантирую.

Проводник еще целый статер недоверчиво поглядывал на князя. У него в голове не укладывалось: «Как это, без рабов?» Потом вспомнил рассказы сотоварищей по гильдии о том, как первый же воин-этруск открыл рабские загоны и «выгнал всех в шею, при этом на выходе их ждала кормежка из армейского котла...». Порассуждал, чем занять освободившиеся ангары, придумал и успокоился.

– Да, – вспомнил Рус, – дань тоже отменяется. Мы теперь единое царство. Вот, вышли к незамерзающему морю... Да, можно империй называться! – сказал, зачем-то подмигивая купцу.

Провожатый опешил: «Нет дани – это очень хорошо... без рабов – плохо... империя – это он загнул, но пусть тешатся. Не знаю, хорошо при них жить или плохо – то время покажет... и неизвестно, надолго ли их власть... а этот князек, похоже, влиятельный – вон как подмигивал, когда про империю говорил, легко. Будто от него зависит...» В целом, он пока оставался удовлетворен беседой с новым начальством, а вес в гильдии Рид имел немалый – заместитель председателя совета старшин.

Он находился в приемной комендатуры, хотел поговорить с комендантом о дальнейшей жизни и, вообще, «закинуть сеть на будущее», как выразился председатель «Совета Купцов Торговой Гильдии Вольного Княжества Кушинара». Сопротивления захватчикам жители города не оказали, и те в ответ погромов не чинили, но дальнейшая политика оставалась туманной: военные власти общались с купцами только приказами: «доставить столько-то мяса, хлеба». Никаких городских вопросов не решали – ждали прибытия гражданского начальства. Рид сидел в окружении других просителей (в кои-то веки!), и вдруг удача. Распахивается дверь коменданта, выходит адъютант и говорит:

– Кто может сопроводить вашего нового князя с женой во дворец?

Мог любой посетитель, но первым подскочил Рид:

– Я, господин! – и не пожалел. Нет, сначала удивился отсутствию охраны, заподозрил неладное, но деваться некуда – поехал.

Князь Ринг сидел в своем дворце как на иголках. Целую декаду ждал, лично ходил к коменданту. О нем словно забыли, и это было противней всего – чувствовать себя пустым

местом. Если честно, он и раньше практически не властвовал, всем заправляла Гильдия, однако такое демонстративное игнорирование князя Вольного Княжества – чересчур.

Комендант, здоровенный, как все этруски, хоть и принял без очереди, но отмахнулся, как от простого просителя, не повысив князю самооценку:

– Живи пока у себя, прибудет новый князь – освободишь дворец.

Что ж, спасибо и на этом! Ринг стал готовиться перебираться к теще, будь она неладна! К сожалению, это оставалось единственным местом, где его примут. Когда кончится это никому не нужное «военное положение», надеялся прикупить домик. Не зря оставлял «зачатку» на черный день, как чувствовал! Казну, естественно, сразу опечатали.

Наконец сегодня прискакал десяток воинов, быстро проверили все помещения и приказали князю со всем его секретариатом (жена с дочерьми давно жили в своем родовом доме) дожидаться «сменщика», который должен приехать через статер-другой. Однако явился он через целые две четверти, в сопровождении старого пройдохи Рида.

– Князь Ринг? – Новый хозяин поздоровался сразу, как только соскочил с единорога. – Я – князь Рус Четвертый, это моя жена Гелиния. Сдавай дела, коллега!

«Странный он, несерьезный, – подумал Ринг. – А рост-то обычный! Но воины его глазами едят, значит, в самом деле князь... да и лицом – вылитый этруск».

Потерпев неуклюжие комплименты ему и его жене, Рус не выдержал:

– Знаешь что, князь, не в обиду. Позови самого толкового секретаря, кто делами занимался, а сам поводи жену по комнатам, пусть она выберет нам спальню. Ей, как я вижу, твои комплименты нравятся.

Гелиния в ответ фыркнула, излишне нежно взяла Ринга под руку и жеманным голосом произнесла:

– Идем быстрее, дорогой князь, поищем спальные апартаменты...

Рус в ответ заботливо посоветовал:

– Можете не торопиться, дорогая, я надолго задержусь у секретаря.

Бедный Ринг не знал, куда деваться, мечтал сквозь землю провалиться! Шутки шутками, но кто их, этих этрусков, поймет!

Первым делом Рус приказал принести все известные астральные координаты. Опытный секретарь Пирк удивился, но не переспросил. Сходил в архив, набрал огромную кипу свитков. «Хвала Гиду, недавно собрали все в одно место за ненадобностью... Неужели он может ходить Звездной тропой? Интересно...» – думал этот умный человек, собирая свитки. Принес в свой кабинет, возможно, ставший уже не его.

– Стой, – позвал Рус Четвертый выходящего секретаря, – останься, будешь переводить. Интересный у вас алфавит... на основе рун Эребуса, если я не ошибаюсь?

– Истинно так, – удивился Пирк. «Варвар в этом разбирается?!»

– Разбираюсь, господин секретарь.

Кушинг вздрогнул от неожиданности.

– Мысли не читаю, но за лицами слежу внимательно, – сказал с легкой усмешкой, – и я обязательно выучу ваш язык и письменность. – Все разговоры велись на гелинском, на этом местном «языке межнационального общения».

Новый князь измучил секретаря, засидевшись до первой ночной четверти.

– Значит, так, я вернусь через семь дней, – сказал он перед уходом в спальню, куда его уже неоднократно звала жена. – Ты мне понравился, остаешься за старшего. Приказ такой: аппарат не распускать, а озадачить его сортировкой всех дел. Торговля – к торговле, стража – к страже, казна, продовольствие и так далее, ты понял.

Пирк важно кивнул и напомнил:

– Государь, казна пока еще опечатана...

– Ерунда, пошлешь кого-нибудь к коменданту. Приедет маг, скажешь ему, что я велел снять печать.

Брови секретаря поползли вверх:

– А-а-а?..

– Поверит, не переживай. Только смотри у меня, сам руки в нее не запускай, – вроде бы шутливо погрозил пальчиком и улыбнулся. От этого Пирк шумно сглотнул и понял: лучше даже не думать о таком соблазне. Причем до него совершенно не доходило: как этот странный этруск сможет его проверить?

«Обязательно ищи координаты, но об этом не распространяться. Понял?» – услышал он сквозь мучительные раздумья и наконец облегченно выдохнул: «Защиту памяти ломать, конечно, не станет, а вот поклясться заставить может и внимательно проследит за формулировкой...» Эта простая мысль успокоила. А то сильно нервировала похожая на звериный оскал улыбка, мелькнувшая на лице варвара.

Пирк встрепенулся и ответил:

– Понял, князь. Смею заметить, что много теперь ненужных, – на этом слове сделал явный акцент, – астральных координат лежат в Гильдии.

– Вот именно, – подтвердил Рус, – ненужных. Ты справишься? Не торопись, дело серьезное.

Секретарь ответил через долгий статер раздумья:

– Полагаю, у меня получится... По крайней мере, секретность соблюсти сумею, если раздобыть не удастся.

– Надеюсь, уважаемый Пирк. Я пошел к жене и настоятельно рекомендую ближайшие семь дней туда не заходить. Хорошо?

«Неужели тропа?! Мы находили координаты большой спальни», – восхищенно и в то же время почему-то с очередным испугом, не желая верить, подумал секретарь, но словами просто подтвердил приказ:

– Будет исполнено все в точности, князь!

Этот варвар сломал у Пирка давно устоявшиеся представления об этрусках как о тупых воинах. Правда, оставалась спасительная мысль: «Он у них один такой... маленький...» – за нее и зацепился. Она доставляла радость. Какую-то глупую, родом из детства, когда этруски были далекими тупыми воинами, над которыми в играх было принято потешаться.

Как ни хотела Гелиния испытать шикарную кровать в общей спальне князя Ринга (были у них с женой еще и личные спальни), но Рус торопился, и супруги «провалились» в сад «Закатного ветерка». Понятливая супруга, горько вздохнув, ничего не сказала.

В Кушинаре они с Гелинией встретились там же, где и планировали, – в комендатуре.

Слова «именем Эрлана Первого» сильно ускоряли военную бюрократию. А когда Гелиния призналась коменданту города, что является женой Руса Четвертого, тогда и вовсе дела заскользили как по маслу. Пангирров полностью амнистировали, выдали пергамент с разрешением кочевать на их излюбленных пастбищах и, конечно, приглашали в любое время посещать Кушинар, где скоро построят храм Геи. Кроме того, подлечили всех раненых и больных, выдали продовольствие и даже деньги на покупку скота. Задержаться в городе они отказались и буквально на следующее утро покинули свое временное пристанище – казармы кушинарского гарнизона, во дворе которого ставили шатры.

Аграник обиделся, когда от простых воинов-этрусков узнал, что посвящал его род Гее не абы кто, а сам «сын Френома», который и вправду одновременно был посвящен Величайшей.

– Что же он там, на дороге, не признался! – возмущенно воскликнул он в кругу близких. Умом понимал объяснения Влады и Фарика, но сердце не принимало: «Кругом ложь! Даже дети богов – лгут! В степь, как можно скорее!»

Молод он был для вождя, горяч и наивен.

Ровно через семь дней Рус, одетый как типичный кушинг, причем небогатый – опоясанный простым кушаком без изысков, вышел из большой спальни, кивнул паре невозмутимых воинов-этрусков и спустился в секретариат. Поздоровался с Пирком и велел немедленно звать сюда гильдейских старейшин.

Секретарь и верил – и не верилось. Теперь убедился: божий не божий сынок – неизвестно, но искуснейший маг, которому по-прежнему подвластны Звездные тропы – это точно. И только сейчас он полностью успокоился. А то, стыдно признаться, почти все ночи не спал – гадал: «Выйдет – не выйдет», «Исхудавшим или нет», «Там он, дарки его раздери, или все же тропой ушел» – и все остальное в таком же духе.

Пока купцы собирались, Рус выслушал четкий доклад «заместителя».

– Ладно, за карты засядем, когда торгаши уйдут. Сказали, что я – сын Френома? Это правда, но с небольшим уточнением – пасынок. Для этрусков это не имеет значения...

– А для тебя, князь? – вдруг спросил Пирк и сам испугался собственного вопроса.

– Смелый? – Под прямым взглядом Руса секретарь вспотел. – Больше умный, чем смелый, но и храбрости не отнять... в достаточном количестве, – заключил «божий сынок» и все-таки соизволил ответить «доверенному» лицу: – Мне без разницы, рожден я богом или усыновлен, главное – я знаю, что могу многое. Устраивает ответ?

– Более чем, – выдохнул секретарь.

– Теперь по делу. Как я понял из твоего доклада, дел, собственно, и нет, всем заправляет Гильдия, о чем я догадывался. Надо это менять... – И выдал длинный список распоряжений.

– Кхм, – смущенно кашлянул Пирк. – Гильдия будет недовольна, а значит...

– Сколько ты от них получаешь? – перебил его князь.

Секретарь громко сглотнул, но ответил честно:

– В три раза больше официального жалованья. Остальная администрация – только двойной оклад.

– Вот! Не зря я тебя выделил, купцы зазря деньги платить не станут. Но о координатах... – Рус добавил в голос металла.

– Знает только мелкий приказчик из архива, клянусь Гидом! – И Пирк покрылся испариной. Сгоряча произнес нечеткую формулировку: вдруг тот кому-нибудь рассказал или расскажет? – Не должен он языком шевелить, я заплатил ему мелочь, как за пустяк. – Сердце секретаря молотило, слова лились сами собой. – Сказал, что мой сын бредит морскими путешествиями, и попросил ненужные карты... у них все метки давно были на карты нанесены... а он на самом деле мечтает стать капитаном, это все знают...

– Ай-я-яй! Не надо впутывать богов, они непредсказуемы, по себе знаю, – пожурил его Рус. – После меня тащи координаты домой и отдай сыну. Глядишь, Гидрос учтет твою честность, если тот приказчик все же растреплет. Скажу по секрету, боги иногда прощают невинно нарушивших клятвы. Не вздумай его убивать! Этого точно твой Гид не простит. – «А может, и простит», – подумал уже про себя, но не хотел начинать свое правление с крови, тем более проблема яйца выеденного не стоила.

Секретность была необходима, чтобы получить *все* координаты. Рус сильно сомневался, что купцы открыто предоставят их в полном объеме, не утаив многие «важные коммерческие моменты».

– Спасибо... князь! – Облегчение накрыло Пирка чуть ли не с головой, и он уже не знал, как к нему обращаться. «Тюлень я, дурак! Надо следить за языком! Но, Великий, с этим сыном-пасынком очень трудно! А за совет век буду благодарен... и за урок, если живым останусь. Великий Гид, прости, что поклялся твоим именем в суете, не думая...»

– Значит, так, – подытожил Рус, не обращая внимания на волнение Пирка. – Хочешь – бери у них деньги, хочешь – откажись, но чтобы все мои приказы исполнил! Я проверю. Назначаю тебя моим заместителем по хозяйственной части, готовь приказ на пергаменте.

– Прости, князь, по какой части? Я не совсем хорошо понимаю гелинский...

– По всем вопросам, кроме военных, – уточнил новый властитель кушингов.

Секретарь, все еще продолжая переживать за ненужную клятву, торопливо кивнул.

В зале приемов собрались двадцать старшин Торговой Гильдии – верхушка Совета Купцов, среди которых Рус без удивления узнал Риду.

– Господа, слушаю претензии, – сказал князь, садясь в кресло перед стоящими купцами.

После непродолжительной заминки на него посыпались многочисленные жалобы. Если отбросить разную мелочь, то остальное сводилось к «непомерно раздутому гарнизону», который приходилось кормить, и «военному положению».

«Корабли стоят, мы терпим убытки, нарушаются контракты, вновь прибывшие товары невозможно разгрузить», – основные темы жалоб, и – Рус специально обратил внимание – ни одного вопроса о работоторговле!

– Я выслушал вас, понял. О военном положении, о численности войск вам сообщат отдельно, после моего совещания с комендантом. Знаете ли вы Пирка? Отлично! Я оставил ему все распоряжения о новом налогообложении и таможне. Ну-ну, господа, не ведите себя, как дети! – прервал он недовольный ропот. – Сначала узнайте всю схему, а после возмущайтесь. Уясните главное: вы *живете* в княжестве, а не *управляете* им. Кому не понравится – мир открыт! Вон, даже «пояс Эра»¹⁵ пропал. Только я сомневаюсь, что в любой другой стране вас встретят с распростертыми объятиями...

– Не скажи, князь... – с легкой угрозой сказал молчавший до этого глава Гильдии.

– А ты проверь, – резко ответил Рус. – Это сейчас вам ваши партнеры славицы в уши поют, потому что у вас есть этот рынок – практически половина огромной многолюдной территории за Каринскими горами. А если я допущу сюда иноземных купцов? Какая мне разница, с кого брать налоги и пошлину? А они, поверь мне, будут платить гораздо охотней вас и сверх того деньги подсовывать. Что, не так?

Эта речь прозвучала как гром среди ясного неба. Гильдия настолько привыкла к единоличной торговле, так сильно пристрастилась к своей прямой власти, что у большинства из старшин просто в голове не укладывалось, что все может измениться. Причем в одночасье.

– А пускай, нам конкуренты не страшны, – произнес самый пожилой, а потому самый тугодумный купец, решивший по-старому пошантажировать «какого-то князька».

Рус в деланом удивлении поднял брови и обвел взглядом остальных.

– Господин князь! – подал голос Рид.

Он, как и другие торговцы, весьма скептически относился к убежденности этрусков в божественном происхождении Руса, но успел изучить нового властителя лучше других и понимал – ума и решительности у него достаточно для любых мер. И еще он прекрасно, гораздо яснее князя, знал причину безбедно-безмятежного положения кушинарских торговцев – во многом это именно монополия.

– Господин князь! – повторил, несмотря на недовольство Руса. Тот еще во время осмотра городских достопримечательностей предупредил купца: «Или господин, или князь. Выбирай что-то одно, ухо режет». – Не стоит горячиться. Ты сам говорил, что мы теперь одна страна, неужели ты желаешь горя своим честным подданным?

– Вот именно! Главное слово в твоей речи – «честным», – акцентировал новый правитель. – Ну что, уважаемые, договоримся по-хорошему?

¹⁵ «Пояс Эра» – так моряки-кушинги называли Стену Тьмы Эребуса, которую он «провел» по океанам, тем самым разделив континенты. Бог Межзвездного Мрака после схватки с Френомом пропал, исчезла и Стена Тьмы.

С возражениями, но к согласию пришли. Купцы не удержались от торговли, а Рус так и не сумел перекинуть все вопросы на Пирка.

После кушингов уставший от споров князь встретился с этрусками. Вместе с комендантом во дворец (большой трехэтажный нарочито «прибедненный» дом без изысков) явился... Филарет – главнокомандующий этрусской армией. Слухи о «сыне Френома» разлетелись по всему войску. Командир поспешил в Кушинар и дождался возвращения Руса.

Согласовали численность гарнизона – хватит и сотни воинов, на всякий случай все – со склонностью к Призыву. Отменили военное положение, и коменданту, хоть он и отбрыкивался, пришлось взять под свое крыло и местную стражу с корпусом Следящих. Временно, до выявления и искоренения, насколько это возможно, коррупции в их рядах.

Филарет до последнего отстаивал сложившиеся полки и сотни отдельно из грусситов и гросситов, но Рус оставался непреклонен.

– Я и не говорю ломать все и сразу! Постепенно. Создавай смешанные патрульные разъезды, временные карательные отряды. Пусть люди притрутся, похлебают из одного котла, одной кровью умоются, и лишь потом переформируй, начиная с учебных полков. Да, и ветеранов отправляй туда на переподготовку! Сроки не устанавливаю, но направление велю держать на смешение воинов! Ясно? – Услышав недовольное согласие, добавил: – Более того, скоро выйдет указ Эрлана о поддержке смешанных браков, им от казны чего-нибудь перепадать будет.

– Сложно это все, князь, – вздохнул Филарет. – У многих родню то грусситы, то гросситы поубивали...

– Я и не утверждаю, что это легко! Но наши внуки должны забыть о былой вражде, тогда царству стоять еще тысячелетия! – пафосно закончил Рус.

После пришлось учить новые координаты, и домой он приполз глубокой ночью буквально на карачках. Гелиния бодрствовала, ждала мужа. Обнялись и просто уснули. Она нисколько не обиделась, что он не взял ее с собой. Понимала, когда можно капризничать: «где обещанное море и дворец!» – а когда действительно изнуряющая работа, где не стоит мешаться. Море с «дворцом» посмотрела, приняла участие в спасении целого народа (ну и что, что их всего сотня!), и пока достаточно. У Хранящих учебы – передохнуть некогда.

Следующие три месяца, раз в декаду, а когда и чаще, Рус ходил в свою новую вотчину, дважды брал с собой Гелинию, которая в основном мечтательно сидела на берегу океана. Под охраной, разумеется. Чем-то зацепил его этот серый город без красивых изысков и хитрый народец, из которого тем не менее выходили замечательные отважные мореплаватели, не брезговавшие пиратством. Нерегулярно, по случаю. Рус на это закрывал глаза. Пока.

Как ни хотел он становиться реальным, а не закулисным руководителем, но все же сделался таковым. И не сказать, чтобы ему это особо понравилось, скорее наоборот, но... затянуло! Дарки их, этих кушингов, раздери!

Кстати, климат на северо-западном побережье континента резко отличался от Центральной Этрусии: летом нежарко, а зимой горожане редко видели снег. По утверждениям опытных мореходов, виной тому было мощное теплое течение, исходящее из тропических вод океана и проходящее всего в полутысяче миль от берега Кушинара. Рус склонялся к этой же мысли. Жрецы Гида и Эйя объясняли эту погодную аномалию «подарком Гида» и ничуть не грешили против истины: так и назывался сей местный Гольфстрим, открытый магами-водниками¹⁶.

¹⁶ Маги в Кушинаре обучались при храмах по принципу учитель – ученик, поэтому их подразделяли не по названиям орденов, например Текущий, а по стихии – водник.

Глава 6

Судя по донесениям Максада, на Тир в любой момент собиралась выдвинуться армада из двадцати тяжелых купеческих «толстяков»¹⁷ под охраной двух десятков военных галер, также несущих десант. В общей сложности более десяти тысяч воинов, из них как минимум сорок сотен кавалерии. Огромная сила по сравнению с шестью тысячами полностью вооруженных тирских наездников и пары тысяч обученной пехоты. Ну, не любили бывшие и действующие кочевники воевать пешком! Конечно, по сухому расчету не такой уж и большой перевес, тем более на защиту своей земли можно мобилизовать «простых» кочевников. Но они умели только лететь лавой, с трудом управлялись, были плохо вооружены и не имели склонных к Силе, которые как раз и являлись основной ударной силой.

В сводную армию центральных земель магов набрали двойное количество. По штатному расписанию полагалось три мага на сотню, итого – триста склонных к Силе рангом не ниже подмастерья плюс отдельные полковые. Но, по сведениям княжеского коронпора, главного тирского «безопасника», на эту кампанию число магов увеличили в два раза, то есть более шестисот против... жалкой сотни. Да-да, эндогорские ордена (в Тире действовали только их филиалы) предупредили, что отзовут всех своих сотрудников, мол, срочно понадобились в пятне. Оставалась надежда исключительно на отпускных магов, коих набралось примерно полторы сотни, но пятьдесят из них в составе пяти сотен воинов Пиренгул отправил в пятно, в загадочный город Кальварион, и об этом знали только он и Максад.

Сильно проредил число отпускных Великий поход. Тогда, не задумываясь, выбивали в первую очередь магов. Что сарматы, что асманиты. Теперь победители, конечно, жалели об этом, но что толку?

Таким образом, к неудовольствию Рахмангула, которого отец назначил руководить обороной, он располагал только сотней Пылающих, Текущих, Ревущих и Пронзающих вместе взятых. Были еще две сотни шаманов, и наверняка подключатся ученики из числа подданных тирского князя (ученики не относились к сотрудникам ордена. Ими становились только окончившие курс маги-подмастерья, которые в обязательном порядке подписывали пожизненный контракт), но в реальном бою пользы от них... Вряд ли дело дойдет до «огненных колесниц», какие использовали в Великом походе, – противник не тот. Так что те пятьсот «пропавших» воинов с магами, которых отец, ясное дело, отправил в пятно (сыновей в этот секрет не посвящали, но они были уверены), очень дажегодились бы. А связь? Самая быстрая – голуби, она же самая ненадежная, поскольку в небе полно разных коршунов-соколов. До слуха Рахмангула регулярно доходили сплетни, что маги вот-вот и... но эти разговоры всегда оказывались пустышкой, и отец, маг-Пылающий уровня мастера, тоже молчал о связи.

Последние две заброски в Кальварион удивили Руса: Пиренгул отправлял только семьи уже ушедших в пятно воинов, женщин и детей.

– Ты, случаем, умом не сдвинулся? – поинтересовался он у хмурого Пиренгула. – Не рановато ли? Оттуда – ни весточки. Или хоть один голубь долетел? – И в который раз пожалел, что «зыбучая яма» работает исключительно в одну сторону. Хоть бы один, хоть самый заикастый вернулся бы и рассказал, как там дела! Рус непонятно каким образом чувствовал, что *там* в целом все неплохо, но очень хотелось живого подтверждения.

Князь отрицательно покачал головой:

¹⁷ «Толстяки» – жаргонное название больших купеческих парусных галер. Могли брать на борт до пяти сотен воинов с полным вооружением и сотни три единорогов. Из-за недостаточной остойчивости в экипаж судна обязательно входили два мага-Текущих, для посменного дежурства, и как минимум один маг-Ревущий.

– Сам же знаешь, сколько в пятне крылатых охотников.

– Тогда какого Тартара!..

– Я верю тебе, сын, – проникновенно сказал Пиренгул. – Если ты утверждаешь, что там все хорошо, то так оно и есть!

– Да мало ли что я утверждаю! – возмутился зять. – Величайшая, вразуми его! Эти дарковы «жемчужины» не работают (эльфийские амулеты для общения «мыслеречью»), они тоже на астрал завязаны, и я понятия не имею, каково там людям!

– Ты им все отлично объясняешь перед заброской, и я, заметь, не интересуюсь, откуда у тебя столько знаний при полном нежелании самому сходить в тот каганский городишко...

– Не важно откуда! Снится – и все. Не в этом дело. Неужели ты не понимаешь, какой это риск отправлять туда женщин и детей?!

– Не больший, чем самых лучших воинов, – там все чужое, разве не так? А каково этим воинам без жен вот уже четыре месяца? А с кем я детей оставлю и как объясню сиротство? Нет, Рус, надо отправлять, пора. Или ты себе не веришь? – спросил, сволочь, пристально заглядывая в глаза, чуть ли не в душу.

– Да верю я, но... – смутился зять.

– Никаких «но»! Я отвечаю за своих людей перед богами и Предками, и я полностью убежден в истинности твоих знаний. Вопрос закрыт. – Тем самым подвел черту под бессмысленным спором.

Рус скрепя сердце создал «зыбучую яму». Появилась мыслишка отправить женщин в другое место, но сразу отогнал – Кальварион ныне действительно самое безопасное место на земле (он давно называл Гею просто «землей», как все местные), в этом он убежден, но... как мог хитрый подозрительный Пиренгул настолько довериться? Пусть и «любимцу Великих Шаманов»... Странно.

Глупый, скорее импульсивно-романтичный, чем обдуманный, поступок не вязался с твердым характером отца Гелинии. Это подозрительное несоответствие мучило Руса две недели, две заброски, пока на занятии с Отигом магистр не обратил внимания на плохую концентрацию ученика.

– Рус, тебе надо отдохнуть, – участливо сказал он. – Последние несколько месяцев ты сам не свой, а сегодня так и вовсе не можешь «ос» закончить, будто внимание пропадает.

– Ты прав, учитель, – вздохнув, согласился княжеский зять и сел на травку.

Они приезжали заниматься на тот самый пустырь за городом, в овраг, куда Рус в свое время отправлял жадного Карпоса. Овраг Отиг легко высушил.

Магистр, хмыкнув, тоже опустился на теплую летнюю землю. Помолчали.

– Через пять дней из Ольвии выходят суда, вся армада. Ты понимаешь, о чем я? – Отиг говорил как бы между прочим, выискивая в траве что-то необычайно интересное. Рус удивленно повернулся к нему. – Из Альдинополя сегодня выехал гонец с приказом на эвакуацию всех орденских Хранящих. – Тирендор продолжал в том же духе – с видимым безразличием. – А я решил уйти в отпускные, потому и говорю... Я становлюсь предателем, понимаешь, Рус? – и поднял глаза, полные боли, чем сбил «любимца Геи» с мысли, грозящей вылиться в потрясающее открытие.

– Почему? – Рус задал первый пришедший в голову вопрос.

– Не знаю, – грустно усмехнулся массивный и обычно жизнерадостный магистр. – Приклеился я к Тиру. Двадцать лет здесь служу, начинал еще помощником тирендора и ни разу не съездил домой, в Альдинополь. Эолгул стал моим домом. Тем более появился ты. Думаешь, я не понимаю, почему выжил во время «Ссоры Богов»?

– Э-э-э... до меня не доходит... – Ученик запутался и честно признался.

– Гея, как могла, стабилизировала Силу именно здесь, в Эолгуле. Из-за вас с Гелинией. Нет, я не владею фактами, я просто сравнил возмущения у нас и в той же Эндогории и знаю, что

Величайшая являлась Гелинии. Твоя жена рассказала. Ох, да не возмущайся ты так! Можно подумать, не сама Гея вас потом поженила! Тоже мне, тайна.

– Подожди-подожди... – Рус схватился за голову, словно ускользающую мысль можно выловить именно пальцами. «Я тогда лежал в главном храме Фрегора... Конечно, Гелиния рассказала на радостях, она чувствовала, что я жив... э-э... не о том я думаю... Вот!» Указательный палец подцепил мыслишку, которая давным-давно лежала на самом видном месте. – Откуда ты знаешь о гонце, о кораблях? Как мог сравнить бури Силы на таком расстоянии?

Отиг расхохотался от души, с удовольствием покатившись по мягкой травке:

– И тебя, глупого этруска, выделила Величайшая?!

Он не мог успокоиться. Со смехом выходило и давящее чувство предательства, причем отступником он считал себя, несмотря на то что именно эндогорское начальство поступало подло. Он всю жизнь отдал ордену, служил верой и правдой и вдруг на его глазах она, родная альма-матер, бросает на растерзание полюбившийся ему Тир. Плевать на другие ордена, по указке царя Эндогории поступающие точно так же, но родные Хранящие, как они могли? К даркам политику! Смех помог, на сердце полегчало.

– Вот ты все роешься в нашей нищей библиотеке, наверняка ищешь сведения, как маги общались до Сумрака, так ведь? – Отиг, наконец, успокоился, а Рус терпеливо ждал, когда кончится истерика.

– Нет, – опроверг его «глупый этруск» со злой гордостью в голосе, – искал более существенные знания. Но ты прав, до этого просто не дошел. Да и вообще, надеюсь на Пронзающих. Эфир – их царство, и я убежден, что они или вспомнят, или создадут новые амулеты...

– Уже, – перебил его магистр, – уже сделали, но пока засекретили. Вот разгорится война за пятна – будут торговать. Специально слухи запустили, что вот-вот.

– Так... а в других пятнах разве не идет? – удивился Рус.

– Пока в каганских места всем хватает и не нашли еще особо богатых жил, а в альганских, ты не поверишь, малыми силами ничего не выходит – Лес не располагает. Центральные страны пошли сначала в альганские пятна, понесли потери, особенно в Кафарском, а потом собрали Большой Совет и решили переключиться на каганские. Поэтому и задержались на полгода.

– Ого! А я, честно говоря, не задумывался о задержке, некогда мне... Про Кафарское пятно очень любопытно... но не об этом речь! Откуда сведения, ты так и не ответил, господин магистр.

– Понимаю, ходишь туда-сюда, структуры со мной осваиваешь. Удивляюсь я твоему двужильству. Да знаю я про твою тропу, хотя понятия не имею, как она может действовать! – отмахнулся от ученика, который делано-пораженно округлил глаза.

– А я точно так же не разумею – откуда дровишки! – Рус убрал с лица наигранное удивление: «Все правильно, не дурак же он...»

– Что?

– Как общаешься на расстоянии, с кем и так далее – весь расклад. То есть открой тайну, великий магистр! – опомнившись, исправил он собственные жаргонизмы.

– Это и просто, и сложно, – задумчиво ответил тирендор, собираясь с мыслями и механически снимая с себя прилипшие травинки. – В Эндогории из магистров-Хранящих выжили двое. Один из них – мой старый друг еще по детским играм, и Волею Богини его выбрали генералом альдинопольского, а значит, и всего эндогорского ордена... Но начну с основ. Маг может не только структурировать Силу, но и сливаться с ней. Наши предки этим активно пользовались, а мы перешли на более легкий общий астрал. В хрониках описаны мастера, которые могли и собственное тело сливать с Силой, а нам, Хранящим, это сложнее остальных. Но дарки с телом!

Рус внимательно слушал, не перебивал. Сразу вспомнил свое слияние... даже не с Силой пятна, а со всем эльфийским миром. Но и тогда тело оставалось само по себе. «Нет, – уточнил он, – я его специально сохранял... но Отиг ведет речь совсем о другом...»

– Если войти в обычный астральный транс и, помолясь, вливать в себя всю доступную Силу – желательно задействовать и колодец, а он у тебя есть, я давно понял... Уточняю – не пропускать через каналы, а направить в свою суть: в тело, душу, разум, – то тогда ты сам станешь Силой, и сознание воспарит, растянется по всей божественной сущности. Я, например, вижу облака под ногами. На самом деле никаких облаков нет, но мне почему-то представляется этот образ. – Отиг помолчал, думая о чем-то глубоко личном. Встрепенувшись, продолжил: – Так вот, в это же время сливается с Силой мой друг. Я желаю встречи с ним – он со мной, и мы оказываемся рядом... Он молодой, как сорок лет назад, я, по его словам, еще моложе. – Магистр вдруг печально вздохнул. – Мы представляемся так, как желаем выглядеть, сами того не ведая, в глубине души... Для тебя и этих сведений достаточно. Тебе должно быть еще легче, ты и так удивительно легко оперируешь Силой. Только запомни: никаких структур, чистая Сила! Помолиться не забывай, Величайшая может добавить. Ее, этой дарковой Силы, прости, Величайшая, требуется целый океан! Поэтому среди Хранящих таким образом могут общаться только магистры... возможно, некоторые бакалавры. И ты, – закончил, выделив последнее слово.

– М-да... – задумчиво произнес Рус, качая головой. – А как возвращаться?

– Не переживай, – усмехнулся Отиг. – Ты попробуй сначала удержаться! Это далеко не общий астрал – Сила сама будет стремиться тебя выбросить... хотя ты же божественных кровей, если верить вашему посланнику Стриганту, – добавил ироничным тоном. Однако взор при этом оставался настороженным. Задумчивым.

Как он был недалек от истины! «Пасынок Френома», несправедливо обругав единственного в Эолгуле настоящего этруска (Рус не брал с него не только клятвы, но и обещания «не разглашать» не требовал, а Отиг разговорит кого угодно), размышлял и так, и эдак: для него, вернее, для его боязни навсегда остаться богом очень даже сомнительный способ. Конечно, скорее всего, если использовать Силу Геи, то будет так, как объяснил учитель, – Богиня не отдаст свою сущность, но... на то он и комплекс, чтобы дуть на холодную воду, однажды обжегшись на молоке.

– Это надо заранее договариваться... – проворчал Рус.

– Да, мне мой друг письмо присылал. А после – «там» оговаривали время...

– Силы надо море...

– Да, мой помощник говорит, что я буквально высасываю все вокруг. И еще: тело как бы спит, и ты становишься совершенно беззащитным. Действуй только в присутствии доверенного лица и лучше в защищенном месте.

– Собеседник должен быть только сильным магом и обязательно одного со мной посвящения... – Рус как бы отнекивался. Понял это и резко сменил тему: – А Пиренгул может так же?

– Правильный вопрос, ученик! – Отиг довольно улыбнулся. – Нам, Хранящим, в этом плане не повезло. Больно стабильная у нас Сила, инертная. Легче всего, конечно, Пронзающим. Потом Светящим, далее Пылающим и Ревущим и после Текущим. Заметь, все держат в тайне это знание, а я уверен – просмотрели старые записи. Неприятное чувство, когда знаешь, что сам в это время беззащитен. Пронзающие со своим амулетом в точку попадут. Цену заломят!

«Черт! Ну, тестюха, ну, хитер! А я голову ломал, почему он мне так безоговорочно верит! А ведь первыми пошли трое и из них один маг-Пылающий не из слабых... Все, теперь не отвертится, расскажет, как там. – Рус от досады сжал зубы до боли в деснах. Кость перегрыз бы не хуже гиены. – Как лоха провел, черт горящий! Это мне урок – я не самый хитрозадый, есть и покруче меня пацаны... а то совсем уж губу раскатал...»

– Не злись, Рус. Пиренгул – умный политик, гораздо опытней тебя. – Отиг легко разглядел мысли ученика. – Он не только для себя старается, за весь Тир болеет, я вижу. Правил бы Асман, я бы еще подумал, оставаться здесь или нет, а при нем решился... Генерал, мой друг, не поймет, – вдруг добавил он и погрустнел.

Пришла очередь молодому Русу успокаивать шестидесятилетнего мага:

– Да ничего нового ты не сказал! Пиренгул и так знает о кораблях или скоро узнает, я уверен! А уйти из ордена в отпускные ты имеешь полное право по выслуге.

– По чему? – не понял Отиг и спросил именно так, раздельно.

– Всю жизнь отслужил ордену, пора на покой. Чего непонятного? – И в очередной раз «перевел стрелки»: – Да, господин магистр, а Призывающие могут так же связываться между собой? – В пергаментях, которые передавал ему Фридлант, об этом не говорилось ни слова.

И стабильный Хранящий, абсолютно не склонный к резкой смене настроения, второй раз расхохотался от души:

– Ты... ты... же... «сын Френома»!

– Пасынок, – спокойно уточнил Рус, терпеливо дожидаясь окончания приступа. – То есть усыновленный.

– Стригант уверяет, что для Френома и для этрусков разницы нет. – Говоря это, Отиг вытирал выступившие от смеха слезы. – Ох, ну и развеселил ты меня. У ваших жрецов поспрашивай. Я не исключаю подобное общение и у Призывающих, но сам об этом не слышал, а в том экземпляре «Божественного Завещания», который я читал, этих сведений не было... Фу-ух, сынок, уморил же ты меня, давно так не хохотал... «сын Френома»! Надо же!

– Спасибо, господин магистр, но мне пора. Ты извини, дел много, – сказал Рус, поднимаясь.

– Какие извинения, ты о чем! – возмутился Отиг. – Иди, раз надо. Я еще посижу, хорошо в тенечке... Рус, – остановил он уже вскочившего на Воронка ученика, – когда тренироваться надумаешь, не забудь предупредить, чтобы я тоже вышел в потоки Силы. С кем говорить будешь? Гелиния не потянет.

– Хорошо, господин тирендор! – уверил его Рус.

«Пока еще тирендор», – грустно подумал магистр Хранящих, переводя взгляд на сочную, не выжженную жарким тирским солнцем траву на дне старого оврага. Здесь большую часть дня царствовала благодатная тень. Вообще-то Отиг не привык бездельничать, но когда-то надо начинать...

Рус летел на Воронке быстрее ветра и чувствовал, как радуется единорог возможности показать свою скорость. «Застоялся, хороший мой, – подбодрил его Рус. – Ничего, скоро нам придется побегать еще быстрее». Поняв мысль хозяина, рогатый скакун довольно протрубил.

Поначалу княжеский зять намеревался сразу прискакать во дворец и вытрясти из тестя все, что тот успел узнать о положении в Кальварионе. Но ветер в лицо быстро остудил горячие мысли. Врываться к князю, «пытать» его, возможно, при свидетелях – детский сад какой-то. Не стоит ронять и свой, и его авторитет. Тесть хитер, но и землянин не лыком шит. За время долгой скачки к «Закатному ветерку» в объезд Эолгула родилась одна любопытная мысль...

«Слияние с Силой – отпадает однозначно, – решил бывший «псевдобог». – А что мешает мне снова войти в собственную Душу, в мою внутреннюю «вселенную»? Ничто. Что мешает рисовать там образы людей, тем самым вызывая их туда? И по фигу, что туда придет – Душа ли или ее «снимок», но придет стопудово! Да вот – Гелиния тогда хотела со мной встретиться и явилась всей своей Душой... хм, даже звучит красиво – «всей Душой»! А кто не хочет или просто не в курсе... будут являться, я просто-напросто оживлю рисунок! Что он там, вдали, почувствует – по барабану. Вот и поговорим...»

Подъезжая к вилле, Рус был уже абсолютно уверен в истинности своих рассуждений, а значит...

В реальности так и вышло. Впрочем, и без неприятных моментов не обошлось.

Предупредив прислугу, что он, мол, страшно занят – никого не пускать, самоуверенный «пасынок бога» заперся в своем кабинете. Гелиния, хвала богам, как раз находилась на занятиях в ордене, но и она бы постеснялась отвлекать, прекрасно чувствуя, когда можно показывать норы, а когда ни к чему.

В своей мини-вселенной Рус создал точную копию участка гоштового сада, откуда шло десантирование в пятно. Сочные оранжевые плоды сгибали ветви деревьев, благоухая неповторимым цитрусовым ароматом, горячее солнце жарило в точности, как на самом деле, и легкий ветерок не спасал от духоты. Разве только блеклая тень от гошта дарила иллюзию прохлады. Туда и встал начинающий живописец. Холст висел прямо в воздухе, а Рус с шиком, уверенными мазками «писал» портрет воина из первой заброшенной тройки – не мага. Мог бы просто вытащить «фотку» из памяти и увеличить, но так неинтересно: в глубинах собственной души его обуюло творческое настроение.

Кстати, останавливать время не стал. После известных событий он поразмыслил над словами Геи и, как это ни кощунственно, признал их чужью.

«Если я останавливаю время в своем мирке, то в остальной вселенной оно продолжает идти обычным макаром... По идее я должен был бы истечь кровью, пока мы с ней ляды точили, но я «вышел» в точности в тот момент, когда и «зашел». Получается, время стояло *везде*, кроме как для нас с Геей, а это нонсенс! Я распоряжался только своей Душой-«вселенной»! Что-то она недоговорила, или я не понимаю механизма... Эх, в *той* состоянии я все отлично осознавал... Надо спросить при случае, но больше ни-ни, раз не верю. – Что он точно усвоил, так это влияние своего верю – не верю на результат колдовства. – Или ускорить? Нет, пока не разберусь, время лучше не трогать. То ли дело в пятне! Я там точно чувствовал ход... Блин, обещал же себе не вспоминать пятно!...»

Воин в кольчуге с пластинами, сверкающими Знаками, в шлеме, с саблей и луком – точно в такой же амуниции, в какой отправлялся в каганский город, ошарашенно озирался. Несколько раз жмурился, мотал головой, оглядывал-ощупывал себя и наконец завопил:

– Н-е-е-т!!! – Глаза при этом дико округлились, и он не узнавал стоящего перед ним Руса, который, скрестив руки, спокойно наблюдал за метаниями воина.

Хозяин мирка «оделся» в точно такую же зимнюю одежду – удобный походный наряд тиренца, какую носил во время отправки первой тройки людей в Кальварион.

– Молчать, воин!!! – крикнул так, что у бедного солдата заложило уши. Он зажал их руками, затряс головой и, похоже, начал приходить в себя. Рус стал ковать железо, пока горячо: – Я – Рус Нодаш, маг-Хранящий, который отправлял тебя в Кальварион, и я же – зять Пиренгула! Забылся, воин?! Я – отправил, я и выдернул. По приказу князя! – Последние слова повлияли на тиренца особо благотворно, и он, все еще не до конца соображая, вытянулся по стойке «смирно».

– Имя? – потребовал Рус.

– Смигул! – четко ответил воин.

В это время княжеский зять неуловимо быстро оказался на расстоянии вытянутой руки, коснулся рукой лба воина и так же мгновенно вернулся на прежнее место. Если бы воин сообщал полностью здраво, он бы заметил явное разочарование на лице мага.

«Да, – иронично подумал Рус, легко отбрасывая недовольство, – воистину говорят: «чужая душа – потемки». Так и предполагал, но как не попробовать?»

Вместо мыслей «голову»... непонятно чего: то ли души воина, то ли ее образа-копии... заполняла темнота. Ни один «снимок» не удался. Придется разговаривать. А как было бы удобней просто «сфотать»? Увидел бы Кальварион почти воочию, узнал бы, как там дела. Увы.

– Князь занят и приказал мне выслушать доклад о выполненной службе. Время пошло, воин, раньше доложишь – раньше вернешься, клянусь Великими Шаманами!

Последний аргумент стал решающим. Имеется в виду «возвращение».

– Слушаюсь, господин маг! – четко ответил Смигул. – Но... это, Джабул же докладывает...

– А его кто проверит?! Или ты тоже маг и можешь сливаться с Огнем?!

– Он не врет, господин... маг, я всегда рядом, я его телохранитель. – Из-за волнения он все-таки упустил имя Руса.

– Не морочь мне голову, воин! Ты же не слышишь, о чем он говорит князю! Вот и проверим ваши сведения... или, – вкрадчиво, со злобным прищуром прошипел Рус, – вы там замыслили измену?! Навсегда в Тир захотел?!

Удар попал в самую точку, в самое больное место. Смигул забыл поинтересоваться, когда это маг успел переодеть его из удобной, удивительно приятной на ощупь каганской одежды в ставшую непривычной железную экипировку, как рухнул на колени:

– Что ты, господин Рус! – Надо же, вспомнил имя! – Не оставляй меня здесь, прошу тебя! Только-только жену обнимал, соскучился – страсть! Какая измена, о чем ты?! Клянусь всеми богами и Памятью Предков – в мыслях не было! Ждем всех, с нетерпением ждем! Там на всех места хватит!

– Встать, воин! Недостойно тиренцу стоять на коленях! – «Эвон как... совсем они там расслабились... не дело... блин, надо узнать, в конце концов, что там!» – Я же сказал: скорее доложишь – быстрее отправлю обратно! Докладывай, дарки тебя раздери!

Смигул поспешно вскочил, мысленно обругал себя за мимолетную слабость и приступил к четкому обстоятельному докладу, отвечая на наводящие вопросы. По мере рассказа воина Рус потерял всю игривость и с трудом «держал лицо», не показывая крайнее расстройство. Дело не в том, что события в Кальварионе развивались хуже некуда, дело было как раз в противоположном: ему все сильнее и сильнее хотелось туда, в это удивительное и такое удобное для жизни место! Потери составили всего пять человек: «Дураки не послушали твоих советов и вляпались в каганские ловушки. Больше в башни не лезут. Да там и без них есть где развернуться!» Обе горные заставы заняли гарнизоны, с устройством открытия-закрытия массивных каменных створок разобрались, «благодаря твоим объяснениям, господин Рус». Много всего рассказал о чудном городе, о великолепной долине и о другом...

Мини-бог собственной «вселенной» вдруг почувствовал сильное сердцебиение, выступила испарина. Он и не заметил, как пролетело около двух дневных четвертей (а Смигул не обратил внимания, что солнце так и застыло в одной точке).

«Сила кончается, чувствую... что-то быстро, с Геей общался гораздо дольше. После разберусь, пора закругляться...»

– Все, воин, достаточно. Надеюсь, ты понял, что Джабулу – ни слова?! Это проверка.

– Понял, господин маг! – Смигул вновь вытянулся по стойке «смирно», а в глазах зажглись нетерпеливые огоньки.

– Свободен и до встречи! – С этими словами, не давая тиренцу спросить: «Когда?», создал под ним видимость «зыбучей ямы», куда он и провалился.

– Все, – тяжело дыша, произнес вслух. – И мне пора.

Позабылась первоначальная мысль «выйти отсюда через дверь – красиво получится...», Рус просто пожелал-подумал Слово, на которое еле-еле хватило Силы.

Гоштовый сад мгновенно превратился в его кабинет, и самонадеянный землянин почувствовал себя в удобном плетеном кресле, которое сейчас казалось крайне неудобным, давящим со всех сторон. Рус буквально сполз на пол, кулем завалившись на мягкий ковер. Убрать из-под себя руки и вытянуть ноги элементарно не хватило сил.

«Друзья» Духи ринулись в него чуть ли не с воем. Все щедро дарили Силу, а Дух жизни наполнял ею совсем спавшиеся каналы, потоки, линии, медианы и другие одному ему известные составляющие энергетики организма.

А Рус в это время страстно желал, чтобы скорее у Силы пятен появился свой бог. С ним он, безусловно, договорится, и тогда... Кальварион – чудесно-загадочный город первых каганов (когда они только-только отделились от эльфов, тем самым, собственно, и превратившись в каганов, а те – в альганов) – станет ему доступным...

Рус проснулся от стука в дверь.

– Русчик! Ты в порядке?! – услышал тревожный голос Гелинии.

– В полном, Солнышко! – ответил бодрым, насколько возможно, голосом. – Уснул вот, сам не заметил. Уже выхожу. – С этими словами поднялся и не удержался от стога – руки-ноги страшно затекли и при освобождении хлестанули болью. Впрочем, Дух жизни быстро восстановил кровоток.

– Эй! Ты чего?! – заволновалась жена. Рус промолчал, он уже распахивал дверь, стараясь не показывать страшную слабость. Не вышло. – Ты почему такой бледный, Рус?

– Заработался, дорогая, ужасно устал...

– А я давно тебе говорила, не бережешь ты себя. – Гелиния заботливо подставила Русу плечо. – Все, дорогой, спать и только спать! И никаких «ям» чтобы я больше не видела! Координаты кабинета раздобыл где-то и рад-радешенек! Хватит! Декаду отдыхаешь, самое малое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.